

Харуки Мураками

Токийские легенды (Токуо kitanshu)

Случайный путник

Я, Харуки Мураками, – автор этих историй. Рассказывать их я буду от третьего лица, а сам появлюсь только в предисловии. Как в каком-нибудь старинном представлении – выйду перед закрытым занавесом, скажу несколько слов, поклонюсь и уйду. Времени много не займет, поэтому наберитесь терпения.

Почему я здесь появился? Просто подумал, что пришло время рассказать несколько странных историй, случившихся со мной в прошлом. Признаться, случаи такого рода происходили в моей жизни нередко. Некоторые имели смысл и как-то повлияли на мою жизнь. Некоторые же так незначительны, что и не заслуживают особого внимания. Они никак на мне не отразились... пожалуй.

Но даже если вынести этот опыт на суд честной

компании, ожидаемого воздействия он не окажет. Скорее всего, рассказ закончится отрезвляющим: «Вот оно как... Чего только на свете не бывает...» Беседу эта фраза не поддержит, а тема захлебнется банальным: «И со мной нечто похожее бывало». Будто пущенная не в то русло вода, мой рассказ уйдет – как в песок. Повиснет короткая пауза, и после нее кто-нибудь другой заведет совсем другой разговор.

Видимо, проблема тут – в манере речи, подумал я и попробовал описать все то же самое в журнальных очерках. Надеялся, что к письменной форме люди отнесутся с большим интересом. Не тут-то было – мне почти никто не поверил. Некоторые так и сказали: все это выдумки. Считали, раз я писатель, то все мои истории в большей или меньшей степени – фантазии. Действительно, когда я пишу прозу, то занимаюсь откровенным сочинительством, на то она и проза. Но в остальное время абсурдных небылиц нарочно не выдумываю.

Так вот, пользуясь случаем, вместо пролога к повествованию я хочу вкратце поведать вам одну причудливую житейскую историю. Самую незначительную. Иначе, если дело дойдет до событий, изменивших мою жизнь, на это уйдет как минимум половина книги.

С 1993 по 1995 год жил я в городке Кембридж шта-

та Массачусетс. Имел статус преподающего писателя и работал над длинным романом «Хроники заводной птицы». На площади Чарльза в Кембридже есть джаз-клуб «Бар Регата», где мне довелось побывать на множестве джем-сейшенов. Зал у них подходящих размеров, атмосфера весьма располагает, там часто играют известные музыканты и много за это не берут.

Как-то раз там выступало трио под руководством пианиста Томми Фланагана. Жена моя тем вечером была чем-то занята, и я пошел в бар один. Томми Фланаган – один из самых моих любимых джазовых пианистов. Обычно в составе какого-нибудь джаз-бэнда он играет пылко и проникновенно, утонченно-уверенно. Его соло непревзойденно красивы. Устроившись с бокалом калифорнийского мерло в руке поближе к сцене, я наслаждался его выступлением. Но если честно, то в тот вечер его игра не зажигала. Может, он неважно себя чувствовал или был не в духе. Вечер едва начался. Нет, выступление было совсем не плохое, но в нем не хватало чего-то. Не брало за душу. Даже магического блеска в глазах не было. «На него не похоже. Может, еще поймает кураж», – надеялся я и слушал дальше.

Но время шло, а желаемый кураж не приходил. Чем дальше, тем больше во мне крепло что-то вроде раздражения. Не хотелось бы, чтобы все закончилось

именно так. В этот вечер хотелось бы чего-то запоминающегося, а завершится все так – и останется лишь разочарование. Или почти ничего не останется. К тому же вряд ли представится случай услышать Фланагана еще раз (как, по сути, и произошло).

Меня вдруг посетила мысль: а что, если мне разрешат заказать две мелодии? Какие я предпочту? Хорошенько поразмыслив, я выбрал «Барбадос» и «Несчастливых влюбленных». Первая – композиция Чарли Паркера, вторая – Дюка Эллингтона. Для несведущих в джазе поясню: ни ту ни другую популярной не назовешь. Играют их редко. Первую иногда удается услышать, но в творческом наследии Чарли Паркера она занимает далеко не главенствующее место. Что же до второй, многие ее вообще никогда не слышали. Этим я хочу сказать тебе, читатель, что выбор мой был сделан со вкусом.

У такого мысленного заказа маэстро, несомненно, были свои причины. Томми Фланаган их впечатляюще записал: первую – как пианист на альбоме «Dial J. J.» (1957 год) группы Дж. Дж. Джонсона, вторую – в составе квинтета Пеппера Адамса и Зута Симза на альбоме «Encounter!» (1968 год). За свою долгую карьеру Фланаган переиграл и записал бесчисленное количество мелодий, но я любил его соло именно из этих двух – пусть короткие, но интеллектуальные и живи-

тельные. Поэтому я и подумал, что было бы здорово услышать их сейчас собственными ушами. Вот он спускается со сцены, напрямик подходит к моему столу и говорит: «Эй, привет! Давно смотрю на тебя. Похоже, ты хочешь что-то услышать на заказ? Валяй, назови пару мелодий!» Представляя эту картину, я не сводил с него глаз. Прекрасно осознавая, что это сумасбродная, несбыточная идея.

Однако Фланаган даже не взглянул в мою сторону. Не говоря ни слова, он просто сыграл под занавес одну за другой эти две композиции! Сначала балладу «Несчастливые влюбленные», затем ритмичную «Барбадос». Не выпустив бокала из рук, я просто лишился дара речи. Я был просто ошеломлен. Надеюсь, любители джаза меня поймут. Вероятность того, что из бесчисленного количества джазовых композиций маэстро напоследок сыграет именно эти две, астрономически ничтожна. И – что немаловажно для такого события – исполнение было прекрасным и чарующим.

Второе событие произошло примерно тогда же. И тоже связано с джазом. В тот день я заглянул после обеда в магазин подержанных пластинок недалеко от музыкального колледжа Беркли. Порыться на полках со старыми дисками – один из немногочисленных смыслов моей жизни. В тот день я откопал старую пластинку Пеппера Адамса «10 to 4 at the 5

spot» лейбла «Riverside». Это живая запись неподражаемого квинтета Пеппера Адамса при участии трубача Доналда Бёрда в нью-йоркском джаз-клубе «Five Spot». «10 to 4» означает «без десяти четыре утра». В смысле, они так разошлись, что играли до рассвета. Фирменное издание в таком состоянии, будто конверт только что вскрыли,— и стоит каких-то семь-восемь долларов. У меня был японский диск, но уже изрядно мною запиленный. К тому же приобрести фирменное издание в таком состоянии и за такие деньги — своеобразное чудо. Сияя от счастья, я купил пластинку и направился к выходу. Там меня окликнул шедший навстречу парень:

– Hey, you have the time?*

Я взглянул на часы и машинально ответил:

– Yeah, it's 10 to 4.

И только после этого чуть не поперхнулся, заметив совпадение. Да ну! Что же такое вокруг меня происходит? Такое ощущение, что бог джаза (если он есть где-нибудь в небе Бостона) улыбается, подмигивая мне: «Yo, you dig it?»**

Оба этих случая совершенно незначительны по своей сути. Течения жизни они не изменили. Просто меня поразила сама их причудливость. Из разряда «бывает же такое».

* «Эй, время знаешь?» (англ.) (Здесь и далее прим.

переводчика.)

** Здесь: «Ну как, в кайф?» (англ.)

Признаться, я мало интересуюсь оккультными явлениями. Гадания меня не прельщают. Я считаю: чем идти за решением к гадалке, куда лучше напрямь собственную голову. Голова – так себе, но с ее помощью выйдет, по крайней мере, быстрее. Так же безразличен я к экстрасенсам. Если честно, нет у меня ни малейшего интереса ни к метемпсихозу, ни к духам, ни к посланиям насекомых, ни к телепатии, ни к концу света. Это совсем не значит, что я во все это нисколько не верю. Я даже считаю – пусть будет, раз есть. Лишь бы не касалось меня лично. И все же немногочисленные таинственные явления время от времени оставляют след даже в моей скромной жизни.

И что, я их целенаправленно анализирую? Ничуть. Просто принимаю как есть и продолжаю жить, как и прежде. Размышляя: «Бывает же такое» или «Пожалуй, бог джаза существует».

Следующую историю рассказал мне один знакомый. Я по какому-то поводу изложил ему два предыдущих эпизода, после чего он серьезно задумался и наконец произнес:

– По правде говоря, мне довелось пережить нечто похожее. Ни с того ни с сего. Особо странным этот опыт не назовешь, но подходящее объяснение проис-

шедшему на ум не приходит. Как бы там ни было, случайное стечение обстоятельств в результате привело меня в совершенно неожиданное место.

Чтобы стало непонятно, о ком идет речь, я изменил несколько фактов, а в остальном сохранил его рассказ как есть.

Он – настройщик пианино. Живет в западной части Токио, недалеко от реки Тама. Сорок один год, гомосексуалист. Своих сексуальных наклонностей особо не скрывает. Есть у него бойфренд на три года младше – он работает в сфере недвижимости и постоянно бывает занят. Поэтому живут они порознь. Хоть мой знакомый – настройщик, но окончил консерваторию по классу фортепиано и навыков игры на инструменте не теряет. Он мастерски и проникновенно исполняет произведения французских композиторов Дебюсси, Равеля, Эрика Сати. Но больше всего любит музыку Франсиса Пуленка.

– Пуленк был геем и не пытался этого скрывать, – как-то раз сказал он мне. – По тем временам ему приходилось несладко. Он часто говаривал: «Я бы не состоялся как композитор, не будь я геем». И я прекрасно понимаю, что он хотел этим сказать. То есть, чтобы стать искренним со своей музыкой, нужно так же быть искренним с собой как с гомосексуалистом. Такова музыка, такова сама жизнь.

Мне самому давно нравится музыка Пуленка, поэтому, когда мой знакомый приходит настроить наше старое пианино, после работы иногда он играет несколько коротких композиций. Например, «Французскую сонату» или «Пасторальную».

Гомосексуализм в себе он открыл, поступив в консерваторию. Прежде об этом даже не задумывался. Симпатичный, воспитанный, спокойный, в школьные годы он был популярен у девчонок. Одной подруги у него не было, но на свидания несколько раз ходил. С девчонками ему нравилось гулять. Нравилось рассматривать вблизи волосы девушек, вдыхать их запах на затылке, сжимать маленькие руки. Но сексуального опыта у него не было. На одном свидании он понял, что девушка ждет от него определенных действий. Но решиться на этот шаг не смог. Он не ощущал в себе необходимости такого шага. Все без исключения товарищи его были одержимы этим неистовым демоном по имени «сексуальный импульс», не справлялись с таким напором и, как могли, рассеивали его вокруг. Однако в моем знакомом такого импульса не наблюдалось. И он считал себя «позднеспелым сортом». А может, свою истинную любовь просто еще не встретил?

Поступив в консерваторию, мой знакомый начал встречаться с сокурсницей, учившейся на отделении

ударных инструментов. Она оказалась хорошей собеседницей, и когда они бывали вместе, возникало ощущение близости. Уже вскоре после знакомства они занялись в ее комнате сексом. По ее прихоти. Отчасти сделал свое дело алкоголь. Все прошло без каких-либо помех, но почему-то не так заводило и волновало, как в чужих рассказах. Скорее мой знакомый решил, что это какой-то грубый гротеск. Он никак не мог привыкнуть к еле различимому запаху, исходящему от женского тела при сексуальном возбуждении. Чем осуществлять с подругой непосредственно половой акт, ему было куда приятнее вести дружескую беседу, играть дуэтом музыку, вместе ужинать. И с каждым днем секс с нею стал его все больше тяготить.

Но даже при этом он по-прежнему считал себя сексуально равнодушным человеком. И вот однажды...

ладно, не будем об этом. Начнешь рассказ – и не будет ему ни конца ни края, тем более что к этой истории он прямого отношения не имеет. Так или иначе, произошло нечто, и в результате обнаружился несомненный факт: он – гомосексуалист. Выдумывать подходящую причину было лень, и он откровенно признался подруге: «Знаешь, похоже, я гомосексуалист». А уже через неделю почти все окружающие знали, что он гей. Слухи расползлись и дошли до его родственников, лишили его нескольких близких товарищей, ис-

портились отношения с родителями, но в конечном итоге ему уже было все равно. Скрывать скелеты в шкафу было не в его характере.

Однако самым сильным последствием оказался разрыв со старшей сестрой – самым близким ему человеком в семье. Между ними было два года разницы. О том, что он гей, узнали родственники ее жениха, и разговоры о ее замужестве чуть было не зашли в тупик. Кое-как уговорив родителей избранника, семье удалось довести дело до свадьбы, но из-за всей этой истерии сестру чуть не разбил невроз, и она страшно сердилась на младшего брата. «Зачем было кликать бурю именно в такой щекотливый момент?» – буквально орала она. Ответить, разумеется, было нечего. С тех пор от их былой взаимной привязанности не осталось и следа. На ее свадьбу мой знакомый тоже не поехал.

Как одинокий гей жил он вполне самодостаточно. Крепкий, учтивый, с чувством юмора. Почти никогда не сходила с лица приятная улыбка. Если не брать в расчет гомофобов, люди как-то сами к нему тянулись. Специалист он был первоклассный, недостатка в клиентах не возникало, и заработок у него оставался стабильным. Часто к нему обращались известные пианисты. Купив квартиру с двумя спальнями на углу студгородка, он уже почти полностью выплатил кре-

дит. Установил дорогую аудиоаппаратуру, был сведущ в макробиотическом питании, пять раз в неделю ходил в спортзал – сбрасывал излишки веса. Встречался с несколькими мужчинами, но, познакомившись с нынешним партнером, уже почти десять лет поддерживал с ним ровные, лишенные неудовлетворенности сексуальные отношения.

По вторникам мой знакомый садился в двухместный кабриолет «хонда» (зеленый, на коробке), переезжал по мосту реку Тама и ехал в большой торговый комплекс в префектуре Канагава*. Там располагались крупные магазины – «Gap», «Toys”Я“Us», «The Body Shop». По выходным в комплексе такое невообразимое столпотворение, что непросто даже место для стоянки найти, зато в будни с утра – полное затишье. Купить какую-нибудь интересную книгу и пить кофе, листая ее, – вот что стало его привычным занятием по вторникам.

* Имеется в виду торговый центр «Маруи» («0101»), расположенный по 246-му государственному шоссе, недалеко от станции Такацу.

– Сам торговый центр – отвратительный. Это уж как водится. Но кафе на удивление – очень уютное, – рассказывал он. – И заметил я его совершенно случайно. Никакой музыки, курить запрещено, подушки на стульях идеальны для чтения: не слишком мягкие, не

слишком твердые. И в зале всегда пусто. Мало кто утром по вторникам заходит выпить кофе. А если и ходят, то в «Старбакс», он рядом.

И вот по вторникам он с десяти до часу предавался чтению в этом непопулярном кафе. В час съедал в соседнем ресторане салат с тунцом, выпивал бутылку «Перрье», затем шел в спортзал. И так – каждую неделю.

В тот вторник он, как обычно, читал книгу в кафе. «Холодный дом» Чарльза Диккенса. Когда-то он ее уже читал, но тут, увидев в магазине, решил купить и перечитать заново. Он смутно помнил, что история там интересная, но сюжет на ум никак не шел. Вообще-то Диккенс – один из его любимых писателей: с его книгой можно позабыть обо всем на свете. Вот и теперь история захватила его с первой же страницы.

Так прошел час. Мой знакомый устал, закрыл книгу, положил на столик, подозвал официантку и заказал еще кофе. Затем сходил в туалет торгового центра и вернулся. А когда сел на место, к нему из-за соседнего столика обратилась женщина – она тоже тихо читала.

– Извините, можно у вас поинтересоваться? Он посмотрел на нее с дежурной улыбкой.

– Пожалуйста. Что вам угодно?

– Я понимаю, что подобным образом обращаться неприлично. Просто меня заинтересовала одна

вещь...– сказала она и слегка покраснела.

– Я не возражаю... все равно я ничего особого не делаю... Не стесняйтесь.

– Книга, которую вы сейчас читаете, случайно, не Диккенс?

– Диккенс– Он взял книгу и показал ей.– «Холодный дом».

– Я так и думала,– сказала женщина так, словно у нее отлегло на сердце.– Взглянула на обложку и подумала, не она ли.

– Вам тоже нравится «Холодный дом»?

– Да. Как бы это сказать... Получается, я тоже читаю ту же самую книгу. Рядом с вами. Совершенно случайно.– И она, сняв чехол, показала обложку.

И впрямь удивительное совпадение. Утром в будний день в пустом кафе пустынного торгового центра за соседними столиками два человека читают одну и ту же книгу. Причем не широко известный бестселлер, а произведение, которое и среди работ Диккенса обычным не назовешь. Оба поразились удивительному повороту судьбы, и неловкость первой встречи улетучилась.

Оказалось, женщина эта живет в недавно достроенном жилом квартале неподалеку от этого центра. «Холодный дом» купила в этом же книжном пять дней назад. Расположилась в этом кафе, заказала черный

чай, открыла книгу – и уже не могла оторваться. Когда опомнилась, минуло два часа. С таким увлечением она читала впервые со студенческой поры. Ей показалось, что проводить время вот так – очень приятно, и она опять сюда вернулась – читать «Холодный дом» дальше.

Женщина была небольшого роста, довольно стройная, хотя на талии уже начал откладываться жирок.

Большая грудь, славное лицо. Чувствовался изысканный вкус в одежде, на которую женщина явно не скупилась.

Некоторое время они разговаривали. Выяснилось, что она ходит в литературный кружок и «Холодный дом» выбрали там «книгой месяца». Среди членов клуба нашлась любительница Диккенса – и предложила эту книгу. У новой знакомой было двое детей – девочки шести и восьми лет. Поэтому обычно найти время для чтения ей очень трудно. Но иногда она вот так меняет обстановку и выкраивает свободную минутку. Как правило, ей приходится общаться с мамашками одноклассниц дочерей, а общих тем для разговоров с ними нет: те либо обсуждают телепрограммы, либо сплетничают об учителях. Потому она и вступила в местный литературный кружок. Муж раньше литературой интересовался, но в последнее время сильно занят работой в своей торговой фирме. Его хватает

максимум на специализированные книги и брошюры.

Мой знакомый тоже вкратце рассказал о себе. Работает настройщиком пианино. Живет на том берегу реки Тама. Холост. Каждую неделю приезжает сюда на машине почитать книги, потому что ему здесь нравится. О том, что гей, говорить не стал. Он не старался это скрывать, но и трезвонить на каждом углу первому встречному тоже незачем.

Они вместе пообедали в одном из ресторанов торгового центра. Новая знакомая оказалась женщиной открытой и естественной. Стоило первому напряжению сойти, часто смеялась. Негромко, тоже очень естественно. И не спрашивая ни о чем, можно было представить, как она жила до сих пор. Ее с любовью вырастили в сравнительно обеспеченной семье из Сэ-тагая. Она поступила в неплохой институт, училась на «отлично», пользовалась успехом (причем больше у однокурсниц, нежели однокурсников), вышла замуж за очень самостоятельного мужчину на три года старше себя, родила двух дочерей. Девочки ходят в частную школу. И хоть не скажешь, что все двенадцать лет супружеская жизнь пестрила яркими красками, зато и никаких проблем в ней тоже не возникало. За легким обедом они обсуждали недавно прочитанные книги, говорили о любимой музыке. И проговорили так целый час.

– Было очень приятно с вами побеседовать, – сказала она после еды, залившись румянцем. – Вокруг меня нет людей, с кем можно было бы свободно пообщаться.

– Мне тоже очень приятно, – ответил мой знакомый. И не покривил душой.

В следующий вторник, когда он в том же кафе так же читал книгу, пришла она. Встретившись взглядами, они чуть улыбнулись друг другу и обменялись легкими поклонами. Сидя за разными столиками, они молча читали «Холодный дом». Когда настало время обеда, она первой подошла к его столу и заговорила. Затем, как и на прошлой неделе, решили вместе пообедать.

– Здесь поблизости есть неплохой французский ресторанчик. Может, туда? – предложила она. – В этом торговом центре нет ни одного приличного заведения.

– Хорошо. Пойдемте, – согласился он.

Они поехали на ее машине (голубой «Пежо-306», на автомате). Заказали кресс-салат и судака на гриле. Также взяли по бокалу белого вина. И, сидя друг напротив друга за столом, разговаривали о романах Диккенса.

После обеда, на обратном пути к торговому центру, она остановила машину на стоянке парка и взяла его за руку. Сказала, что хотела бы пойти с ним куда-нибудь в «укромное место». Его слегка удивило столь

стремительное развитие событий.

– Выйдя замуж, я никогда себе такого не позволяла. Ни разу,– сказала она, словно извиняясь.– Честно. Но всю прошедшую неделю я думала только о вас. Я не буду вам в тягость. Хлопот тоже не доставлю. Разумеется, если вы не против.

В ответ он нежно сжал ее руку. И тихо объяснил ситуацию.

– Будь я обычным мужчиной,– сказал он,– я бы с удовольствием пошел с вами куда-нибудь в «укромное место». Вы – очаровательная женщина, и я могу представить, как прекрасно нам было бы наедине. Но я, сказать вам правду,– гомосексуалист. Я с другим полом не могу. Есть геи, способные на секс с женщинами, но я не такой. Поймите меня правильно. Я могу стать вашим другом, но вот любовником, к сожалению, быть не смогу.

Смысл сказанного дошел до нее не сразу. Во всяком случае, это был первый опыт знакомства с геем в ее жизни. А когда все поняла, она заплакала. Плакала долго, уткнувшись в плечо настройщика. «Пожалуй, для нее это шок. Сочувствую»,– думал он, обнимая женщину и нежно глядя ее по голове.

– Простите,– сказала она.– Из-за меня вам пришлось сказать то, чего вы не хотели говорить.

– Не переживайте, я этого и не скрываю. Пожалуй,

мне стоило признаться с самого начала. Чтобы вы не поняли меня неправильно. Раз уж на то пошло, я перед вами больше виноват.

И он, не торопясь, и дальше нежно гладил ее волосы длинными музыкальными пальцами. Женщина понемногу успокоилась. Он заметил на мочке ее правого уха маленькую родинку, и его затопила удушающая нежность. У старшей сестры в том же месте была примерно такая же. В детстве, когда сестра спала, он часто пытался стереть эту родинку пальцем – шутки ради. Сестра всегда просыпалась и сердилась на него.

– Всю неделю перед встречей с вами я трепетала, – сказала женщина. – Давно со мной такого не было. Будто молодость вернулась – настолько было приятно. Поэтому... ладно уж. Сходила в косметический салон, села на краткосрочную диету, итальянское белье новое купила...

– Изрядно же я заставил вас потратиться, – улыбнулся он.

– Пожалуй, все это мне было необходимо.

– Вы о чем?

– Мне хотелось придать своему настроению какую-нибудь форму.

– Например, купить сексуальное итальянское белье?

Женщина покраснела до ушей.

– Оно не сексуальное. Нисколько. Просто очень красивое.

Настройщик ласково улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Чтобы разрядить обстановку, как-то безобидно пошутил. Она это поняла и тоже улыбнулась. Некоторое время они еще смотрели друг другу в глаза.

Затем мой знакомый вынул платок и вытер ей слезы. Женщина приподнялась и поправила макияж, глядя в зеркальце на солнцезащитном козырьке.

– Послезавтра мне будут делать анализ на рак груди, – сказала она, остановив машину на парковке торгового центра и поставив ее на ручник. – Сообщили, что на снимке при обычном осмотре обнаружили подозрительную тень и хотят уточнить. Если это действительно рак, придется сразу лечь в больницу на операцию. Может, сегодня все так получилось еще и поэтому. Одним словом... – Повисла пауза. Затем женщина несколько раз покачала головой. Медленно, но с силой. – Сама ничего не понимаю.

Настройщик некоторое время прислушивался к ее молчанию. Напрягая слух, пытался уловить едва слышимые звуки.

– По вторникам в первой половине дня я почти всегда здесь, – сказал он. – Ничего особенного обещать не могу, но в собеседники, надеюсь, сгжусь. Если, ко-

нечно, такой, как я, вас устроит.

– Никому не говорила. Даже мужу.

Он положил свою руку поверх ее, лежавшей на рычаге ручного тормоза.

– Очень страшно,– сказала она.– Иногда ни о чем не могу думать.

Рядом остановился синий микроавтобус, из которого вышли супруги средних лет – в дурном расположении духа. Судя по голосам, они из-за чего-то бранились. Чего-то очень пустого. Стоило им уйти, вокруг опять воцарилась тишина. Глаза женщины были закрыты.

– Сейчас неуместно говорить громкие слова,– произнес настройщик.– Однако, если я не знаю, что делать дальше, стараюсь всегда следовать одному правилу.

– Правилу?

– Если поставлен перед выбором: бесформенный предмет или предмет с формой,– выбирай бесформенный. Это и есть мое правило. Когда я натыкался на стену, всегда ему следовал, и если не спешил с выводами, это всегда приводило к хорошим результатам. Даже если в тот момент было тяжело.

– Вы сами его придумали?

– Да,– ответил он, уставившись в приборную панель «пежо»,– это эмпирика.

– Если поставлен перед выбором: бесформенный предмет или предмет с формой,– выбирай бесформенный,– повторила она.

– Именно.

На мгновение женщина задумалась.

– Пусть даже так, но я сейчас ничего понять не могу. В чем есть форма, а в чем ее нет.

– Может быть. Но, скорее всего, где-то выбор делать придется.

– Вы так считаете? Он легко кивнул.

– У такого гей-ветерана, как я, много разных особенных способностей.

Она засмеялась:

– Спасибо.

Опять повисла долгая пауза, но в ней уже не было густого удушья, как прежде.

– Прощайте. И спасибо вам за все. Хорошо, что я с вами встретила и смогла вот так поговорить. Кажется, вы придали мне уверенности.

Он улыбнулся и пожал ей руку.

– Будьте здоровы.

Он проводил взглядом удаляющийся голубой «пешо», напоследок помахал рукой зеркалу заднего вида и не спеша побрел к своей «хонде».

Весь следующий вторник лил дождь. Женщина в кафе не появилась. Настройщик молча почитал книгу до

часу дня и поехал обратно.

Он решил в тот день не ходить в спортзал. Настроения разминаться не было. Так и не пообедав, сразу вернулся домой. Развалившись на диване, он слушал баллады Шопена в исполнении Артура Рубинштейна. Стоило закрыть глаза – и перед ним плыло лицо невысокой женщины за рулем «пежо», в пальцах воскре-сало прикосновение к ее волосам, отчетливо вспоми-налась темная родинка на мочке уха. Прошло время, образы исчезли, но форма родинки осталась отчетливой. Открыты ли, закрыты ли глаза – там все равно всплывала эта маленькая черная точка и, словно пропу-щенный знак препинания, тихо, но неумолимо бе-редила ему душу.

Около трех он решил позвонить сестре. С их по-следнего разговора прошло немало лет. Интересно сколько. Десять? Выходит, такое долгое у них отчуж-дение? Когда разговоры о свадьбе повисли в воздухе, на нервах они наговорили друг другу такого, чего не должны были говорить. Это и стало одной из причин. Другая же заключалась в том, что он не пришелся по нраву человеку, за которого сестра вышла замуж. Тот был надменным снобом и считал иную сексуальную ориентацию чуть ли не инфекционным заболеванием. Мой знакомый предпочитал бы держаться от него по-дальше.

После долгих сомнений с трубкой в руках настройщик все же набрал номер полностью. После дюжины долгих гудков отчаялся было – и при этом у него как-то отлегло от сердца – и уже собирался положить трубку, но тут сестра ответила. Таким родным голосом. Сообразив, что это он, замолчала – и на том конце провода повисла пауза.

– Что произошло? Зачем позвонил? – безразлично спросила она.

– Не знаю, – честно признался настройщик. – Просто мне показалось, что надо. Как-то мне за тебя тревожно.

Опять тишина. Долгая. «Видимо, она по-прежнему на меня сердится», – подумал он.

– В принципе, никаких дел у меня нет. Хорошо, если ты жива-здоровая.

– Подожди, – вымолвила она. По ее голосу он понял: сестра беззвучно плакала с трубкой в руках. – Извини, ты бы не мог немного подождать?

Опять повисла тишина. Все это время он прижимал трубку к уху. Но там не было слышно ничего. Ни единого признака жизни. Затем сестра сказала:

– У тебя сейчас есть время?

– Есть. Сегодня выходной.

– Ничего, если я к тебе приеду?

– Приезжай. Встречу на станции.

Через час он подобрал сестру на станции и отвез к себе. После десяти лет разлуки ни он, ни она не могли не увидеть, что оба постарели. Годы брали свое. И внешний облик, как в зеркале, отражал эти перемены. Сестра оставалась стройна, стильна и выглядела лет на пять моложе своего возраста. Но во впалости щек угадывалась уже не такая строгость, как прежде. Пронзительные черные глаза слегка потускнели. Настройщик тоже держался моложе своих лет, но и при первом взгляде было видно, как отступают края его шевелюры. В машине брат и сестра от неловкости обменивались банальными фразами: как работа, здоровы ли дети. Вести об общих знакомых, родителях. Когда вошли в квартиру, настройщик поставил чайник на кухне.

– До сих пор играешь? – спросила она, увидев инструмент в гостиной.

– Как хобби. И только легкие мелодии. Если сложнее, пальцы уже не бегают.

Она открыла крышку фортепиано и опустила пальцы на стертые клавиши.

– Думала, ты со временем станешь великим пианистом.

– Музыкальный мир – могила вундеркиндов, – сказал он, засыпая зерна в кофемолку. – Разумеется, мне было очень жаль. Даже не мечтать стать пианистом.

Само собой, расстроился. Казалось, все накопленное пошло прахом. Даже захотелось как-то раствориться в чем-нибудь. Но, если задуматься, слух у меня чутье пальцев. Исполнителей лучше меня – хоть отбавляй, а вот такой острый слух еще надо поискать. Я это понял почти сразу, как поступил в консерваторию. Вот и подумал: чем становиться второсортным пианистом, мне же будет лучше стать первоклассным настройщиком.

Он достал из холодильника сливки для кофе, перелил их в фарфоровый кувшинчик.

– И странное дело. Решив стать настройщиком, я, наоборот, стал с удовольствием играть на пианино. Ведь с детских лет я изо всех сил учился играть. Мне по-своему было интересно прибавлять в мастерстве, повторяя упражнения снова и снова. Но при этом я не помню, чтобы хоть раз играл на пианино с удовольствием. Я лишь садился за клавиши, чтобы одолеть сложный пассаж. Чтоб играть без ошибок, в пальцах не путаться, восхищать людей. Но вот расставшись с мыслью о карьере пианиста, я наконец постиг радость исполнения музыки. Оказывается, музыка – прекрасна. Казалось, у меня гора с плеч свалилась. Но пока я нес эту ношу, никак ее не ощущал.

– Ты ни разу не говорил мне об этом.

– Разве?

Сестра молча покачала головой. «Может, и так,— подумал он.— Может, действительно не говорил. По крайней мере так».

— То же самое было, когда я обнаружил, что гей,— продолжал он. — Я сразу разрешил несколько внутренних сомнений, которые никак не мог уравновесить. «Вот оно как!.. Так вот по какой причине!..» И мне стало намного легче. Будто вдруг растаял туман и проступил пейзаж. После того как я расстался с мечтой стать пианистом и признался в собственной гомосексуальности, окружающие, пожалуй, во мне разочаровались. Однако я хочу, чтобы они поняли: сделав это, я наконец-то смог вернуться к собственному «я». К естественной форме себя.

Он поставил перед сестрой кофейную чашку. Сам сел рядом на диван с кружкой в руке.

— Пожалуй, мне следовало получше разобраться в тебе,— сказала сестра.— Но перед этим было бы неплохо, если ты бы нам все объяснил. Рассказал как на духу. Что ты думал в то время...

— Да не хотел я никому ничего объяснять,— перебил ее настройщик.— Хотел, чтобы меня поняли безо всяких объяснений. Особенно ты. Моя сестра.

Она молчала. Сказал он:

— В ту пору я несколько не думал о настроении окружающих меня людей. Мне просто было не до того.

От воспоминаний голос его дрогнул. Хотелось расплакаться, но он сдержался. И продолжил:

– Моя жизнь как-то вдруг перевернулась вверх дном. Я едва цеплялся, чтобы меня не столкнуло с подножки. Очень боялся. Было жутко. Какие тут объяснения? Казалось, я лечу в пропасть. Поэтому я просто хотел, чтобы меня поняли. И крепко обняли. Без каких-либо доводов и объяснений. Но никто...

Сестра закрыла руками лицо. Ее плечи дрогнули, она бесшумно зарыдала. Настройщик нежно опустил руку ей на плечо.

– Прости, – сказала она.

– Ладно, чего уж там, – ответил он. Налил в кофе сливки, размешал и медленно, чтобы успокоиться, стал пить. – Незачем плакать. Я тоже был хорош.

– Послушай, а с чего это ты сегодня позвонил? – Сестра подняла голову и посмотрела ему в лицо.

– Сегодня?

– Десять лет не звонил, а тут именно сегодня...

– Да так... Кое-что произошло, вот и подумал о сестрице. Как она там? Вот бы услышать ее голос. Только и всего.

– То есть ты ни от кого ничего не слышал?

В голосе сестры слышались особенные нотки, и он насторожился.

– Нет, ни от кого и ничего. А что случилось? Сестра

помолчала, как бы собираясь с духом. Он терпеливо ждал.

– Дело в том, что я завтра ложусь в больницу.

– В больницу?

– Послезавтра операция. Рак груди. Отрежут правую сторону. Полностью. При этом никто не знает, остановит это развитие опухоли или нет. Непонятно, пока не удалишь.

Настройщик долго не мог вымолвить ни слова. Продолжая обнимать сестру, он бессмысленно разглядывал обстановку гостиной: часы, вазу, календарь, стереосистему, пульт. Вроде бы привычные предметы в привычной комнате, но расстояние между ними почему-то не улавливалось.

– Долго колебалась, сообщать тебе или не стоит, – сказала сестра. – Но мне в конце концов показалось, что лучше не сообщать, вот я и молчала. Очень хотела с тобой увидеться. Думала, обязательно нужно хотя бы раз не спеша поговорить. Тем более есть за что извиниться. Но... не по такой же причине встречаться спустя много лет. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю.

– Раз уж встречаться, то по веселому поводу – и чтоб настроение хорошее. Поэтому в душе я и решила, что не следует тебе сообщать. А тут ты со своим звонком...

Он, ничего не говоря, крепко обнял сестру за талию. Грудью ощутил форму ее груди. Сестра, положив голову ему на плечо, плакала. И еще долго они сидели не шевелясь.

Наконец сестра спросила:

– Ты говорил, что-то произошло и ты подумал обо мне. Если не секрет, что это было?

– Как тебе сказать. Вкратце не объяснишь. Так, мелочи. Наслоение нескольких случайностей. Совпали друг с другом, вот я и...

Он покачал головой. Расстояния толком еще не вернулись к предметам. Пульт и вазу разделяли несколько световых лет.

– Боюсь, не смогу объяснить.

– Ладно, – ответила сестра. – И все-таки хорошо... Честное слово, хорошо...

Он дотронулся до мочки ее правого уха, слегка поскреб родинку пальцем. И, словно посылая бессловесное послание в укромное место, нежно поцеловал ее ухо.

– Сестре сделали операцию, удалили правую грудь. К счастью, опухоль дальше не распространилась, удалось обойтись минимумом химиотерапии. И волосы, к счастью, не выпали. Сейчас она вполне здорова. Каждый день я ходил к ней в больницу. Еще бы, женщине лишиться груди – дело такое... После вы-

писки я стал чаще у нее бывать. Мы крепко подружились с племянником и племянницей – не разлей вода. Я даже стал учить девочку играть на пианино. Мне тоже кажется, что она способная. Муж сестры оказался совсем не так плох, как я считал раньше. Разумеется, не без спеси, быдловат, но работает не покладая рук и, что самое главное, о сестре заботится. Наконец до него дошло, что гомосексуализм – не инфекция и его детям не передастся. Такой маленький, но великий шаг вперед. , Сказав это, он засмеялся.

– Когда мы примирились с сестрой, моя жизнь строилась с места. По сравнению с прошлым теперь я могу жить как-то естественнее... Пожалуй, к этому я и должен был стремиться. В глубине души все эти годы мне хотелось помириться и обняться с сестрой.

– Однако для этого был необходим повод?

– Именно.– Мой знакомый несколько раз кивнул.– Повод был важнее всего прочего. Я тогда еще подумал: а не есть ли случайное совпадение явлением банальным? Иными словами, такое то и дело происходит вокруг нас в повседневной жизни. Только почти ничего не попадает на глаза, остается незамеченным. Как запущенный среди бела дня салют. Слышен только слабый хлопок, а смотришь в небо – и ничего не видно. Однако, если мы хотим чего-то очень сильно, оно непременно всплывет у нас в поле зрения от-

дельным посланием. И мы отчетливо распознаем его форму и оттенок значения. А увидев раз, удивляемся: «Ого, бывает же такое, вот странно». Хотя ничего странного в этом нет. И казаться нам так не должно. Бред, наверное?

Я задумался. И уже был готов ответить: «Да, пожалуй, так и есть». Только никакой уверенности у меня не было. Можно ли вообще так просто судить о подобных вещах.

– Мне, что ни говори, хотелось чуточку проще: и дальше верить в легенду о боге джаза, – сказал я.

Он рассмеялся:

– Тоже неплохо. Еще бы геем своего бога...

Как сложилась дальнейшая судьба невысокой женщины, встретившейся моему знакомому в кафе, мне не известно. Наше пианино не настраивали уже больше полугода, и случая увидеться с ним у меня не было. Скорее всего, до сих пор по вторникам он переезжает через реку Тама и едет в то кафе при книжном магазине. Может, даже виделся с ней, но я до сих пор ничего об этом не слышал. Выходит, история пока что на этом заканчивается.

О бог джаза, или геев, или какой-нибудь другой бог – мне все равно, – прошу тебя от всего сердца: где-нибудь, как-нибудь, легонько, сделав вид, будто это случайно, – защити эту женщину. Очень по-простому,

ненароком.

Бухта Ханалей

Сын Сати погиб от зубов гигантской акулы в бухте Ханалей, когда ему было девятнадцать лет. Нет, акула не съела его заживо. Когда он, выйдя один в море, катался на серфе, акула откусила ему правую ногу, и он утонул от полученного шока. Поэтому в официальной версии причины смерти так и записали: «Утонул». Доска тоже оказалась перекушенной почти наполам. Нельзя сказать, что акулам нравится охотиться на людей. Человечье мясо им не нравится. После первого укуса они, как правило, расстраиваются и убираются восвояси. Поэтому в случае нападения акулы люди часто выживают, теряя лишь руку или ногу. Главное – не паниковать. Однако ее сын сильно испугался, и это привело к сердечному приступу. Нахлебался воды и утонул.

Получив известие из японского консульства в Гонолулу, Сати как стояла – так и села на пол. В голове все опустело, думать ни о чем не могла... Она просто бессильно сидела, уставившись в одну точку на стене. Как долго просидела – не помнит. Однако вскоре пришла в себя и позвонила в авиакомпанию – заказать билет до Гонолулу. Как сказал ей сотрудник консульства, необходимо как можно быстрее приехать на

место происшествия и уточнить, ее это сын или нет. Не исключается элементарная ошибка.

Однако из-за вереницы выходных билетов до Гонолулу не оказалось ни на этот, ни на следующий день. Причем во всех авиакомпаниях. Правда, стоило ей объяснить ситуацию, сотрудник «Юнайтед эрлайнс» сказал:

– Скорее приезжайте в аэропорт. Постараемся для вас что-нибудь сделать.

Наскоро собрав вещи, Сати приехала в Нариту, где сотрудница авиакомпании вручила ей билет в бизнес-класс.

– Свободно только это место, но мы с вас возьмем как за экономкласс, – сказала девушка. – Понимаю, как вам тяжело, но, пожалуйста, не падайте духом.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – поблагодарила ее Сати.

Уже в аэропорту Гонолулу Сати поймала себя на мысли, что со всей этой спешкой забыла сообщить сотруднику консульства время прибытия рейса. Тот, в свою очередь, должен был сопровождать ее прямо до острова Кауайи. Однако звонить теперь и договариваться о встрече Сати уже не хотелось, и она решила поехать сама. Главное – добраться до места, а там уж как-нибудь... Сделав пересадку, она оказалась на острове Кауайи перед обедом. Тут же в аэропор-

ту, в отделении компании «Эйвис», взяла машину и поехала в ближайший полицейский участок. Там она сказала, что прилетела из Токио, получив сообщение о гибели сына в бухте Ханалей. Седоватый полицейский в очках проводил ее в морг, напоминая холодильный склад, где показал ей труп с откушенной чуть выше колена правой ногой. Скорбно торчала белая кость.

Это, без сомнений, был ее сын. Никакого выражения на лице – казалось, он просто крепко спит. Трудно поверить, что он мертв. Видимо, кто-то подправил ему лицо. Казалось, стоит посильнее потрянуть за плечо-и он, ворча, проснется. Как раньше бывало каждое утро.

В соседней комнате она поставила подпись в документах, подтверждавших, что труп – ее сын.

– Как вы собираетесь поступить с телом? – осведомился полицейский.

– Не знаю, – ответила она. – Как обычно поступают в таких ситуациях?

– В таких ситуациях обычно кремируют и забирают прах с собой, – сказал полицейский. – Конечно, возможно прямо так увезти тело в Японию, но тут очень сложные формальности и это будет стоить денег. Также можно похоронить на кладбище Кауайи.

– Тогда, пожалуйста, кремируйте. Я увезу прах в То-

кио,– сказала Сати.

Сын мертв, и, что ни делай, вернуть его к жизни уже невозможно. Какая разница, будет это прах, или кости, или труп. Она поставила подпись в разрешении на кремацию. Заплатила, сколько сказали.

– У меня только «Америкэн экспресс»,– сказала она.

– Этого вполне достаточно,– ответил полицейский.

Она подумала: «Я оплачиваю “Америкэн экспресс” расходы по кремации сына». Какой-то нереальный абсурд. Как отсутствовала реальность и в том, что на сына напала акула и он умер. Кремацию назначили на первую половину следующего дня.

– А вы неплохо говорите по-английски,– перебирая документы, сказал седоватый полицейский – сын японских иммигрантов по фамилии Саката.

– В молодости я некоторое время жила в Америке,– ответила Сати.

– Вот как...– И полицейский передал ей вещи сына.

Одежда, паспорт, обратный билет на самолет, кошелек, плеер, журнал, солнечные очки, несессер с туалетными принадлежностями. Все это свободно поместилось в небольшой сумке-«банане». Сати следовало поставить подпись в расписанной до мелочей ведомости передачи личного имущества покойного.

– У вас есть еще дети?

– Нет, сын был только один.

– Супруг не смог приехать с вами?

– Супруг давно умер. Полицейский глубоко вздохнул.

– Простите. Если мы сможем вам хоть чем-то помочь, говорите, не стесняйтесь.

– Покажите место, где он умер. И где ночевал. Там ведь, наверное, нужно заплатить? И еще я хочу связаться с японским консульством – можно от вас позвонить?

Полицейский принес карту и пометил маркером места, где сын серфинговал и где расположена гостиница. Сама она решила остановиться в городе в маленьком отеле, который ей порекомендовал Саката.

– У меня к вам одна личная просьба, – сказал на прощанье пожилой полицейский. – Здесь, на Кауайи, природа нередко лишает людей жизни. Как вы сами можете убедиться, природа эта очень красива, но временами становится буйной и даже смертельной. Мы здесь живем, никогда не исключая такой вероятности. Мне очень жаль вашего сына. Сочувствую вам от всего сердца. Однако мне не хочется, чтобы из-за случившегося вы наш остров возненавидели. Вам эта просьба может показаться дерзкой. Но больше я ни о чем не прошу. Сати кивнула.

– Мэм, брат моей матери погиб в Европе в сорок

четвертом году. Во Франции, недалеко от границы с Германией. Они с другими бойцами подразделения, собранного из потомков японских иммигрантов, пошли спасать окруженный нацистами батальон из Техаса, попали под прямой артобстрел немецких войск. Моего дядю убили. От него остались лишь солдатский жетон да куски тела... разбросанные по белому снегу... Мать очень любила брата и с тех пор, говорят, сильно изменилась. Разумеется, я сам ее помню только после всех этих потрясений. Это очень болезненная тема.— Сказав это, Саката покачал головой.— Какой бы ни была причина, смерть на войне — всегда результат гнева и ненависти. Чего не скажешь о природе. Для вас это, несомненно, очень горький опыт, но по возможности старайтесь думать так: «Сын вне какой-либо связи с причинами, гневом и ненавистью вернулся в лоно природы».

На следующий день, покончив с кремацией и получив маленькую алюминиевую урну с останками, Сати поехала на машине до бухты Ханалей, что на северной оконечности острова. От городка Лихуэ, где располагалось полицейское управление, на дорогу ушло около часа. Несколько лет назад на остров обрушился мощнейший тайфун, и почти все деревья до сих пор выглядели изрядно покореженными. На глаза ей попадались остатки деревянных домов с сорванными

крышами. Кое-где даже горы осыпались. Суров был окружающий пейзаж.

Серфингисты собирались на окраине дремотного городка Ханалей. Сати оставила машину на стоянке поблизости, села на песчаный берег и стала наблюдать, как пять серферов скользят по волнам. Взяв доски, они уплывали в открытое море. А когда приходила высокая волна, ловили ее, подрулив, взбирались на доску и скользили по гребню до самого побережья. Если же волна рассыпалась, они теряли равновесие и падали в воду. Затем, подобрав доску, опять гребли и, подныривая под волны, возвращались в открытое море. И так раз за разом. Сати не могла понять: неужели эти люди не боятся акул? Или они просто не знают, что мой сын всего несколько дней назад погиб от зубов хищницы в этом самом месте?

Сидя на песке, она около часа бессмысленно смотрела на них. Не могла думать ни о чем. Прошрое, некогда такое важное, куда-то незаметно подевалось. Будущее казалось где-то далеко и во мраке. Ни то ни другое почти никак не было связано с нынешней Сати. Для нее настало вечно изменчивое «настоящее время», и она механически следила глазами за однообразной картиной: серферы и волны. В какой-то момент у нее в голове промелькнуло: сейчас мне больше всего необходимо время.

Затем она поехала в ту гостиницу, где останавливался сын. У маленького грязного здания, где обычно ночевали серферы, имелся заброшенный сад. Два полуголых белых парня с длинными волосами, сидя в брезентовых креслах, потягивали пиво. Один – блондин, второй – чернявый. Помимо этого, они были похожи как лицами, так и статью. У обоих – броские татуировки на руках. Под ногами в траве валялось несколько зеленых бутылок «Роллинг Рок». Стоял легкий запах марихуаны с примесью собачьих экскрементов. За приближением Сати они следили настороженно.

– Мой сын жил в этой гостинице, а три дня назад погиб при нападении акулы, – сказала она.

Парни переглянулись.

– В смысле, Тэкаси?

– Да, Тэкаси*.

– Четкий был малый, – сказал блондин. – Жалко его.

* Тэкаси – ошибочная форма распространенного японского имени Такэси.

– В то утро в залив вошло много черепах, – расслабленно пояснил черноволосый. – А за ними приперлись акулы. Вот. Вообще они на серферов не нападают. И мы с ними живем мирно. Хотя... ну, это... акулы тоже бывают разные.

– Я приехала заплатить за комнату сына. Наверня-

ка остался какой-нибудь долг.

Блондин ухмыльнулся и потряс в воздухе пивной бутылкой.

– Слышь, мамаша, ты, кажется, чё-то не догоняешь. Сюда пускают только тех, кто бабки гонит наперед. Это ж дешёвая ночлежка для бедных пацанов. Прикидываешь, здесь просто не бывает долгов.

– Мамаша, принести доску Тэкаси? – спросил черноволосый. – Эта акула так ее ткнула, что перекусила пополам... зигзагом. Старая вещь «Дика Брюэра». Копы не забрали. Наверное, лежит на том же месте.

Сати покачала головой.

– Видеть ее не хочу.

– Да, жаль его, – опять повторил блондин. Похоже, другую реплику он придумать не мог.

– Четкий был малый, – сказал черноволосый. – В натуре. И серфер нехилый. Вот. Вечером перед этим мы с ним... пили здесь текилу. Ну.

В итоге Сати провела в городке Ханалей неделю. Сняла приличный коттедж и жила там, еду себе готовила на скорую руку. Прежде чем вернуться в Японию, ей так или иначе нужно было вернуть саму себя. Она купила пляжное кресло, солнечные очки, панаму и крем от загара и каждый день, сидя на взморье, разглядывала фигуры серферов. Однажды несколько раз за день начинался дождь. Сильный ливень, пря-

мо как из ведра. Осенью погода на северном побережье Кауайи неустойчивая. Как только дождь начинался, Сати возвращалась в машину и смотрела на струи. Дождь прекращался, и она, выйдя на пляж, разглядывала море.

С тех пор каждый год Сати стала бывать в городке Ханалей. Приезжала за несколько дней до годовщины гибели сына и проводила здесь три недели. Каждый раз брала пляжное кресло, шла на берег и смотрела на серферов. И больше не делала ничего. Весь день просто сидела на пляже. Так длилось больше десяти лет. Она останавливалась в той же комнате того же коттеджа, обедала, в одиночестве читала книгу в том же ресторанчике. Все это из года в год – словно под копирку... У нее здесь появилось несколько приятных собеседников. Городок маленький, теперь уже многие помнили Сати в лицо. Ее знали как японскую мэ, у которой в этих краях акула убила сына.

В тот день она поехала в аэропорт поменять забарахлившую прокатную машину и на обратном пути в городке Капаа заприметила двух молодых японцев, пытавшихся уехать куда-то автостопом. С огромными спортивными сумками на плечах, они стояли перед «Фамильным рестораном Оно» и безнадежно держали по большому пальцу на виду у проезжавших машин. Один – высокий и долговязый, другой – корена-

стый крепыш. Оба – крашенные шатены с волосами до плеч. В потрепанных футболках, мешковатых шортах и сандалиях. Сати проехала было мимо, но передумала и развернулась.

– Куда путь держим? – открыв окно, спросила она по-японски.

– О! По-нашему говорит, – удивился долговязый.

– Еще бы, если я японка, – ответила Сати. – Так куда едем?

– Мы это... до местечка Ханалей, – произнес долговязый.

– Садитесь, я как раз туда возвращаюсь.

– Вот выручили, – радостно воскликнул крепыш. Они сложили сумки в багажник и собирались вдвоем усесться на заднее сиденье «неона».

– Эй, чего это вы все назад? Тут вам не такси. Давайте кто-нибудь один вперед. Соблюдайте этикет.

В конечном итоге на переднее сиденье с опаской уселся долговязый.

– Что за машина? – спросил он, с трудом подбирая длинные ноги.

– «Додж-неон». Их делает «Крайслер», – ответила Сати.

– Хм, выходит, и в Америке есть тесные машины. Моя сестра ездит на «королле» – так вот «королла» куда просторней.

– Совсем не значит, что все американцы ездят на крокодилах– «кадиллаках».

– Однако тесная.

– Не нравится – можно выйти прямо здесь,– сказала Сати.

– Да нет, я не в том смысле. Вот черт. Просто странно, что она такая тесная. Я-то считал, что все американские машины огромные.

– Кстати, что вы собираетесь делать в Ханалее? – поинтересовалась Сати.

– В общем, серфинговать,– ответил долговязый.

– А доски?

– На месте купим,– пояснил крепыш.

– Спецом из Японии везти накладно, к тому же нам говорили, что и тут подержанные можно не задорого взять,– сказал долговязый.

– А вы... на отдых приехали? – поинтересовался крепыш.

– Да.

– Одна?

– Точно,– моментально ответила Сати.

– Случаем, вы не легендарная серфингистка?

– С какой стати? – изумилась Сати.– Кстати, вы уже решили, где остановитесь в Ханалее?

– Нет. Думали, приедем – разберемся на месте,– сказал долговязый.

– Не получится, так можно и на берегу заночевать, – подхватил крепыш. – У нас денег мало.

– Сейчас на северном побережье по ночам зябко. Даже в доме свитер не помешает. А на улице и простудиться недолго.

– А разве на Гавайях не круглый год лето? – спросил долговязый.

– Гавайи, чтобы вы знали, расположены в Северном полушарии. Здесь тоже есть времена года. Летом жарко, зимой – по-своему холодно.

– Выходит, нужна крыша над головой, – сказал крепыш.

– Тетушка, а вы не знаете, где можно остановиться? – спросил долговязый. – А то мы почти не говорим по-английски.

– Нам говорили, что на Гавайях везде понимают по-японски. Приехали – а тут все ни в зуб ногой, – сказал крепыш.

– Разумеется! – удивленно воскликнула Сати. – Японский понимают лишь на Оаху, на Вайкики, и то не везде. Приезжают японцы, покупают дорогие вещи вроде «Луи Вуитон» или «Шанель» – вот там и ищут продавцов, понимающих по-японски. Или в «Хайатте», или в «Шератоне». Выйди на шаг оттуда – сплошной английский. Еще бы, это Америка. Вы что, даже этого не знали?

– Признаться, не знали. Мне мать говорила, японский на Гавайях везде прокатывает.

– Ну-ну.

– Нам бы какую-нибудь гостиницу подешевле, – сказал крепыш. – У нас денег мало.

– Дешевые гостиницы в Ханалее таким начинающим, как вы, лучше обходить стороной, – сказала Сати. – Не самое безопасное место.

– В каком смысле? – поинтересовался долговязый.

– В основном из-за наркотиков, – продолжила Сати. – Не все серферы паиньки. Хорошо, если марихуана. Дойдет дело до «льда» – пиши пропало.

– Что такое «лед»?

– Ни разу не слышали, – сказал долговязый.

– Лопухи вроде вас становятся легкой добычей, – сказала Сати. – «Лед» – это распространенный на Гавайях тяжелый наркотик. Я тоже мало что об этом знаю, но он вроде кристаллов стимулянта. Дешевый, простой, от него становится приятно, но тем, кто поддался хоть раз, остается только умирать.

– Жуть какая, – ужаснулся долговязый.

– А это... марихуану-то можно? – спросил крепыш.

– Можно или нет, я не знаю, только от марихуаны не умирают. От табака со временем умирают однозначно, а от марихуаны – что-то не слышала. Так, слегка дает в голову. Но от вашего нынешнего состояния это

все равно мало чем отличается.

– Зачем вы так говорите?

– Или вы это... из того поколения?

– Какого еще поколения? – уточнила Сати.

– .Послевоенного «бэби-бума».

– Ни из какого я не поколения. Я сама по себе. Не смейте ставить меня в один ряд с другими.

– Смотри, так и есть. Точно... поколение, – сказал крепыш. – Чуть что, сразу заводится. Совсем как моя мать.

– Я вот что скажу – нечего сравнивать меня с твоей никудышной мамашей, – отрезала Сати. – А в Ханалее лучше остановиться в приличной гостинице. Для вашего же блага. Убийства здесь еще никто не отменял.

– Выходит, здесь не мирный рай, – сказал крепыш.

– Да, времена Элвиса прошли.

– Я толком не помню, но Костелло уже вроде бы в годах, – сказал долговязый.

После этих слов Сати вела машину молча.

Сати обратилась к управляющему коттеджа, в котором жила сама, и тот подобрал комнату для двоих. С учетом ее рекомендации недельная оплата снизилась до минимума, но даже при этом не вписывалась в предполагаемый бюджет парочки.

– Не годится. Нет у нас таких денег, – заявил долговязый.

– Все расходы – в обрез, – вторил ему крепыш.

– Но сумма на непредвиденные траты ведь есть?

Долговязый нервно подергал мочку уха.

– Ну, есть семейная кредитка «Дайнерз клуб». Но отец строго наказал использовать только в крайних случаях. Мол, начнешь тратить – уже не остановишься. Так что если не крайний случай, потом в Японии он мне выдаст по первое число.

– Дурень, сейчас и есть крайний случай. Если переживаешь за свою жизнь, быстро плати кредиткой и останавливайся здесь. Если не хочешь посреди ночи оказаться в лапах у полицейских, чтобы тебя отправили в клоповник, где громадный, как сумоист, гаваец сделает из тебя петуха. Конечно, если ты не против, это меняет дело, но это о-очень больно.

Долговязый тут же вынул из самого глубокого отделения бумажника семейную кредитку и протянул управляющему. Тем временем Сати спросила, не знает ли тот поблизости места, где продают доски для сер-фа. Мужчина подсказал один магазин: уезжая, доски можно было продать туда же по сходной цене. Кинув в номере вещи, парочка поспешила за досками.

Наутро Сати, как обычно, сидела на берегу и разглядывала море, когда вышла знакомая пара молодых японцев. Вопреки жалкому виду их навыки серферов сомнений не вызывали. Заприметив сильную

волну, быстро взбирались по ней и, ловко управляя доской, легко достигали почти самого берега. И ненасытно повторяли все это часами напролет. На гребне волны они смотрелись весьма оживленно: ярко сверкали глазами, выглядели самоуверенно. Никакой растерянности. Наверняка с утра до ночи из моря не вылезали, забыв обо всякой учебе. Как раньше это делал ее покойный сын.

Сати начала играть на пианино уже в старшей школе. Очень поздний старт для пианиста. До этого она даже не прикасалась к инструменту. Однако, развлекаясь после школьных занятий по музыке, она очень быстро научилась играть сама. Хорошо, что у нее абсолютный слух был изначально, да и уши – не такие, как у всех. Стоило ей хоть раз услышать любую мелодию, как она тут же могла ее сыграть, подобрав нужные аккорды. Никто ее не учил, но десять пальцев двигались плавно. Природа с рождения наделила ее талантом игры на пианино.

Молодой учитель музыки пришел в восторг, заметив, как Сати играет на пианино в классе, и исправил ее основные ошибки в постановке рук.

– Так тоже можно играть, но вот так будет получаться быстрее, – сказал он и показал, как это делается.

Она все схватывала на лету. Преподаватель оказался любителем джаза и после занятий объяснил ей

основы теории джазовой игры. Как складываются аккорды, как они чередуются. Как использовать педаль. Каковы общие понятия импровизации. Сати алчно все это впитывала. Учитель дал ей послушать несколько пластинок: Ред Гарленд, Билл Эванс, Уинтон Келли. Вслушиваясь в их игру, Сати затем копировала ее один в один. Единожды привыкнув, подражать она теперь могла с легкостью. Не записывая нотами отзвуки фраз, их течение, она могла сразу воспроизводить пальцами.

– У тебя есть талант, – в восхищении говорил учитель. – Будешь учиться – сможешь стать профессиональной пианисткой.

Однако у Сати не было ни малейшего шанса стать профессионалкой. Она могла лишь точно копировать оригинал. Играть «что было» – просто. Но создавать собственную музыку она не могла. Когда ее просили сыграть что-нибудь на ее усмотрение, она просто не знала, что и как играть. А начиная играть по собственному выбору, все равно кому-нибудь подражала. И с трудом читала ноты. Когда перед ней возникали листки, испещренные мелкими значками на линейках, ей становилось дурно. Куда проще было перенести на клавиатуру реально услышанную музыку. А этого для пианиста недостаточно, прекрасно понимала она.

Окончив старшую школу, Сати решила серьезно

изучать кулинарию. Особого интереса к кухне она не питала, но отец управлял рестораном, а других наклонностей у нее не было: вот она и подумала, что стоит перенять дело у родителя. Учиться в кулинарной школе отправилась в Чикаго. Город, конечно, не славился утонченной кухней, но там жили родственники, которые и стали ее поручителями.

Помимо занятий однокашница устроила ее играть на пианино в маленьком баре в центре города. Сати хотелось немного заработать себе на карманные расходы. Средств из дому хватало впритык, лишний доллар не помешает. Поскольку она могла сыграть любую мелодию, то пришлась по душе хозяину заведения. Сати всегда помнила хоть раз услышанное и к тому же могла сразу воспроизвести мелодию с голоса. Не красавица, но вполне симпатичная, она имела успех, и количество «шедших специально на нее» клиентов росло. Одни чаевые уже стали тянуть на приличную сумму. Вскоре Сати бросила школу. Сидеть за пианино куда приятней, чем разделывать сырую свинину, натирать твердый сыр и мыть тяжелые грязные сковороды.

Вот поэтому, когда сын бросил старшую школу ради серфа, она подумала, что тут ничего не поделаешь. Я и сама в молодости была такой же. Не мне его упрекать. Это, пожалуй, голос крови.

Полтора года она играла на пианино в том баре. Хорошо заговорила по-английски, накопила немало денег. Завела себе американского бойфренда. Симпатичный негр, мечтавший стать киноактером (потом Сати видела его в маленькой роли в «Крепком орешке-2»). Но однажды в бар явились люди со значками иммиграционной службы. Она попросту засветилась. Потребовали предъявить паспорт и тут же взяли ее под стражу. А через несколько дней посадили на «боинг джамбо» рейсом до Нариты. Разумеется, за ее же счет – пришлось заплатить из накоплений. Вот так Сати и попрощалась со своей американской жизнью.

Вернувшись в Японию, она крепко задумалась, как жить дальше, но никакого способа прожить без пианино не увидела. Ее ахиллесовой пятой были ноты, стало быть, выбор места работы ограничивался, однако способность воспроизводить на лету любую услышанную мелодию высоко ценилась в самых разных местах. Она играла на пианино в холлах гостиниц, ночных клубах, музыкальных барах и могла копировать любые стили, подстраиваясь под атмосферу заведения, сорт посетителей и заказы. Натуральный музыкальный хамелеон. Во всяком случае, работы ей хватало.

В двадцать четыре вышла замуж. Через два года родила мальчика. Избранником ее стал джазовый ги-

тарист на год младше. Почти без заработка, подсевший на наркотики и охочий до женщин. Часто не приходил домой, а когда бывал там, нередко поколачивал жену. Все вокруг были против этого брака, а после свадьбы уговаривали сразу развестись. Муж хоть и оказался моральным уродом, но обладал тем не менее оригинальным музыкальным талантом и считался восходящей звездой джаза. Вероятно, именно это и пленило сердце Сати. Однако их брак продлился всего пять лет. В постели другой женщины у него случился сердечный приступ, и он умер голым, по дороге в больницу. Передоз.

Через некоторое время после смерти мужа Сати открыла маленький пиано-бар на Роппонги. Кое-что накопила сама, к тому же выплатили деньги за мужа, которого некогда застраховала втайне от него самого, а банк дал ей кредит. Шеф отделения банка постоянно заходил в тот бар, где она работала. Сати купила подержанный рояль, и под его форму изготовили барную стойку. Из другого бара более высокой зарплатой переманила способного бармена, по совместительству – менеджера, к которому давно уже приглядывалась. Она каждый вечер играла на рояле, клиенты заказывали мелодии и подпевали. На рояле стоял круглый аквариум – под чаевые. Бывало, заглядывали музыканты из соседних джаз-клубов, устра-

ивали джемы. Появились завсегдатаи, бизнес, сверх ожиданий, расцвстал. Сати планомерно возвращала кредиты.

Она была сыта по горло супружеской жизнью и даже не задумывалась о повторном замужестве. Хотя иногда у нее бывали временные партнеры, почти все они были женатыми людьми, и ей же от этого было лучше. Тем временем сын подрос, увлекся серфингом. Однажды заявил, что едет поплавать на доске в местечко Ханалей на острове Кауайи. Сати такое было не по душе, но препираться она устала, поэтому скрепя сердце дала ему денег на поездку. Долго спорить она все равно не умела.

И вот, когда сын дожидался волны, на него напала зашедшая в залив за черепахами акула. Она и поставила точку в его девятнадцатилетней жизни.

После смерти сына Сати работала еще усердней, чем прежде. Круглый год почти без выходных приходила в бар и играла, играла на рояле. А к концу осени брала трехнедельный отпуск и бизнес-классом «Юнайтед эрлайнс» летела на Кауайи. В баре ее замещала другая пианистка.

И в Ханалее она иногда садилась за инструмент. В одном ресторане там стоял небольшой рояль, и по выходным здесь играл пожилой пианист – такой худой, что походил на соломинку. В основном – без-

зубую музыку вроде «Бали Хай» или «Голубые Гавайи». Как пианист он был так себе, но человек душевный, и эта его теплота проявлялась в исполнении. Сати подружилась с ним и иногда играла вместо него. Разумеется, она человек посторонний, поэтому об оплате разговор не шел, но вином и спагетти хозяин заведения угощал. Ей просто нравилось играть. Стоило положить пальцы на клавиши, и душа пела. Есть талант или нет – не вопрос. Пожалуй, мой сын, скользя по гребню волны, думал то же самое, представляла она.

Однако, признаться честно, как человек сын не очень-то и нравился Сати. Нет, конечно, она его любила. Беспокоилась как ни за кого другого. Но вот просто по-человечески ей потребовалось немало времени, прежде чем она призналась себе: она не испытывает к нему симпатии. «Не будь он родным сыном, и на пушечный выстрел бы к нему не подошла», – признавалась себе Сати. Своенравный, несобранный, не способный довести начатое дело до конца. Серьезных разговоров избегал, чуть что – сразу же врал. Учился кое-как, оценки ужасные. Интересовался он только серфингом, но никто не знал, как долго это все продлится. Сын был мальчишкой смазливый, а потому от подружек отбою не было; он развлекался с ними, сколько хотел, а когда надоедали, бросал, как ненуж-

ные игрушки. Сати понимала, что, видимо, испортила его сама. Давала слишком много карманных денег. Нет, конечно, нужно было воспитывать в строгости. Но как именно это делать, она не знала. Была слишком занята работой. Нисколько не разбиралась в психологии и физиологии мальчиков.

Как-то раз она играла в ресторанчике, и туда зашла поужинать знакомая парочка серферов. Заканчивался шестой день их пребывания в Ханалее. Они прилично загорели и выглядели увереннее прежнего.

– Ого! Тетушка играет на пианино, – воскликнул крепыш.

– Да так клево! Профи? – подхватил долговязый.

– Развлечение, – сказала Сати.

– Знаете песни «Биз»?*

* «Биз» (B'z) – японская поп-группа, дебютировавшая 21 сентября 1988 года.

– Откуда мне знать... такое, – сказала Сати. – Кстати, вы разве не бедные? Откуда у вас деньги на ужин в таком ресторане?

– У нас же карточка «Дайнерз клуб», – горделиво проронил долговязый.

– А она разве не на крайний случай?

– Ладно, как-нибудь прохиляет. Тут же как – раз попробуешь, и входит в привычку. Дурную. Совсем как отец говорил.

– Точно! И никаких забот,– съязвила Сати.

– Мы считаем, что должны пригласить вас на ужин,– сказал крепыш.– Вы нам сильно помогли. К тому же мы послезавтра утром возвращаемся в Японию. Хотели перед этим вас поблагодарить.

– Так вот, если вы не против, не могли бы вы сейчас поесть вместе с нами прямо здесь? Закажем вино. Мы угощаем,– сказал долговязый.

– Я уже поужинала,– сказала Сати и подняла бокал красного вина.– Ужин и вино за счет заведения. Поэтому мне достаточно вашего внимания.

К их столу подошел крупного сложения белый мужчина и встал рядом. В руке он держал стакан виски. Пожалуй, лет сорока мужик. Короткая стрижка. Рука была толщиной с телеграфный столб, и на ней красовалась татуировка дракона. Ниже виднелась аббревиатура USMC – Корпус морской пехоты США. Похоже, сделана очень давно, буквы заметно поблекли.

– А ты неплохо играешь,– сказал он.

– Спасибо,– ответила Сати, вскользь взглянув на лицо мужчины.

– Японка?

– Да.

– Я был в Японии. Только давно. Два года в Ивакуни*.

* Ивакуни – крупная база и аэродром ВМС США и

сил самообороны Японии в 45 км от города Хиросима.

– Вот как? А я была два года в Чикаго. Только” давно. Выходит, мы квиты.

Мужчина задумался. Потом до него дошло, что это нечто вроде шутки, и он засмеялся.

– Сыграй нам что-нибудь. Повеселее. Знаешь «За морем» Бобби Дарина? Я хочу спеть.

– Я здесь не работаю. И сейчас разговариваю с этими парнями. Штатный пианист этого заведения – вон тот лысоватый худощавый джентльмен. Хотите сделать заказ, попросите его. Только не забудьте оставить чаевые.

Мужчина покачал головой.

– Этот fruitcake* может играть лишь музыку для сладких педерастов. Нет, я хочу, чтобы ты вдарила по клавишам. Плачу десять баксов.

* Букв.: фруктовый пирог, здесь: голубой (англ.).

– Да хоть пятьсот,– ответила Сати.

– Вот как?

– Именно так,– отпарировала Сати.

– Слышь, почему японцы не хотят воевать, чтобы защитить свою страну? Какого черта мы должны ехать охранять вас до самого Ивакуни?

– Поэтому заткнись и играй?

– Именно так,– сказал мужчина и посмотрел на сидящую напротив парочку.– Эй вы, тупицы, кто такие?

Приезжают всякие джапы на Гавайи, гоняют тут на досках, а нам куда деваться? В Ирак, да?..

– Есть вопрос,– заговорила Сати,– Закралось ко мне тут одно сомнение.

– Ну, говори.

Сати склонила голову набок и посмотрела на мужчину в упор.

– Каким образом получаютя люди вроде вас? Долго я над этим думала. У вас такой характер с рождения или когда-то в жизни возникла какая-то ба-альшая неприятность, которая вас до такой степени изменила? Какой вариант верный? Вы сами как считаете?

Мужчина задумался, а потом грохнул стаканом об стол:

– Послушайте, леди...

На крик прибежал хозяин заведения. Этот коротышка взял бывшего морпеха за толстую руку и куда-то увел. Похоже, они давно знакомы – морпех не сопротивлялся. Только уходя, пару раз огрызнулся.

– Простите,– вернувшись немного погодя, извинился перед Сати хозяин.– Обычно он неплохой парень. Но выпивка меняет людей. Я потом ему по рогам надаю. А вам отплачу за счет заведения, чтобы вы зла не держали.

– Ничего страшного. Я к такому привыкла,– сказала

Сати.

– А что говорил тот мужик? – поинтересовался у нее крепыш.

– Мы ничего не поняли, – сказал долговязый. – Только расслышали «джап».

– Не поняли – и ладно. Ничего особенного он не сказал. Кстати, как вы – нагонялись по волнам?

– Вааще, – сказал крепыш.

– Высший класс, – вторил ему долговязый. – Кажется, что жизнь изменилась напрочь. Если честно.

– Вот и славно. Веселись, пока есть возможность. Потом придется платить по счетам.

– Не бойсь! У нас есть кредитка, – сказал долговязый.

– Веселые вы ребята, – покачала головой Сати.

– Кстати, тетушка, хочу спросить?

– Чего?

– Вы здесь видели одноногого серфера-японца?

– Одноногого серфера-японца? – Сати прищурилась и посмотрела в глаза крепышу. – Нет, не приходилось.

– А мы раза два видели. Смотрел на нас с пляжа. С красной доской «Дика Брюэра» в руках. Ноги вот отсюда дальше нет. – Крепыш провел пальцем линию сантиметрах в десяти выше колена. – Начисто перерезана. Мы сразу выходим на берег – а его нигде нет.

Хотели с ним поговорить, искали повсюду. На полном серьезе. Только не нашли. Возраста где-то нашего.

– А какой ноги не было – правой или левой? Крепыш немного подумал.

– Это самое... Кажется, правой. Так ведь?

– Ну. Правой. Точно, – подтвердил долговязый.

– Хм, – вымолвила Сати. Глотнула вина. Глухо забило сердце. – И что – действительно японец? Не какой-нибудь потомок иммигрантов?

– Точняк. Это ж видно с первого взгляда. Серфер из Японии. Примерно как мы, – сказал долговязый.

Сати некоторое время с силой покусывала губы. Затем сухо сказала:

– Однако странно. Городок небольшой. Появись в нем одноногий серфер-японец, так или иначе попался бы на глаза.

– Точно, – сказал крепыш, – наверняка бы заметили. Мы же понимаем, что все это странно. Но он действительно был. Однозначно. Мы оба четко его видели.

Долговязый продолжил:

– Вот вы, тетушка, часто сидите на пляже. Причем всегда на одном месте. Так вот, чуть в стороне от того места он и стоял на своей одной ноге. И наблюдал за нами. Как бы на ствол дерева опирался. Там, где столы для пикника, ну... в тени железных деревьев.

Сати опять глотнула вина, ничего не говоря.

– Только как он стоит на доске – на одной ноге? Не понимаю. Тут и на двоих-то непросто, – сказал крепыш.

С тех пор Сати каждый день ходила по длинному пляжу туда и обратно, с утра до вечера. Однако странная фигура ей ни разу не попалась. Она расспрашивала местных, не видели ли они одноногого серфера-японца, но все они странно на нее смотрели и качали головами. Одноногий серфер-японец? Нет, не встречали. Если б увидели, непременно бы запомнили. Такое сразу бы в глаза бросилось. Да только... как он стоит на доске – на одной ноге?

Накануне возвращения в Японию Сати собрала багаж и легла в постель. Шум волн перекрикивали гекконы. Когда Сати очнулась, подушка была мокра. Из глаз катились слезы. Сати плакала и думала: почему сын не попадается мне на глаза? Почему эти два бестолковых балбеса видели его, а я – нет? Разве это справедливо? Ей вспомнился труп сына в морге. Была бы в силах, она попыталась бы разбудить его, хорошенько потрясла бы за плечо. Чтобы громко спросить: «Слышишь, ты? Ну почему? Не кажется тебе, что это уже слишком?!»

Сати долго лежала, уткнувшись в намокшую подушку, чтобы не закричать. «Или у меня нет на это права?» Она не знала. Знала лишь одно: так или иначе,

но она должна принимать этот остров. Как намекал ей тот полицейский из бывших японцев: «Я должен принимать все как есть. Справедливо или нет, существует на то право или не существует. В таком виде, как есть». Наутро Сати проснулась здоровой немолодой женщиной. И, погрузив чемодан на заднее сиденье «неона», уехала из бухты Ханалей.

Спустя где-то восемь месяцев после возвращения с Гавайев, она встретила в Токио с крепышом. Пережидая дождь, она пила кофе в «Старбаксе» рядом со станцией метро «Роппонги», а тот сидел за соседним столиком. В выглаженной рубашке «Ральф Лорен» и новеньких твиловых брюках. С ним была невысокая девчушка с симпатичным личиком.

– О, тетушка! – Он радостно вскочил и подошел к столику Сати.– Вот так встреча! Не думал я, что в таком месте...

– Привет. Как здоровье? – спросила она.– Ты подстригся.

– Скоро институт оканчиваю,– сказал крепыш.

– Вот как? Выходит, даже ты на это способен?

– Ну, это... в общем, да. Хотя я и выгляжу так, но стараюсь держать себя в руках.– Он уселся на стул напротив.

– Серфинг забросил?

– Иногда по выходным. Но нужно устраиваться на

работу, так что по-любому пора с этим кончать.

– А твой долговязый друг?

– У того все просто. Ему не надо о работе волноваться. У него папашка держит большую кондитерскую на Акасаке. Так и говорит: пойдешь по моим стопам – куплю «БМВ». Везет ему. А мне вот ничего такого не светит.

Она посмотрела в окно. Летний дождь окрасил асфальт в черное. На дороге была пробка, и таксисты нервно давили на клаксоны.

– А кто та девушка? Любовь?

– Да... то есть в настоящий момент – на пути развития, – почесывая голову, сказал крепыш.

– Симпатичная. Для тебя, пожалуй, даже слишком. Не боишься, что не даст?

Он невольно уставился в потолок.

– По-прежнему без стеснения говорите в лицо неприятные вещи? Хотя вы правы. Может, посоветуете чего? Ну, чтобы у нас с ней все было хорошо.

– Существует лишь три способа преуспеть с этой девочкой. Первое – молча слушать, как она щебечет. Второе – нахваливать ее одежду. Третье – кормить покуснее. Просто, да? Если и это не поможет, о ней лучше забыть.

– Реально и понятно. Можно я запишу?

– Можно. А запомнить нельзя?

– Не, я как курица. Сделаю три шага – и все из головы вылетает. Поэтому все записываю. Говорят, Эйнштейн делал так же.

– Ах Эйнштейн...

– Проблема не в забывчивости, а в том, что я все забываю.

– Как угодно, – сказала Сати.

Крепыш вынул из кармана блокнот и аккуратно записал все, что она говорила.

– Спасибо за советы. Они всегда к месту.

– Хорошо, если получится.

– Буду стараться, – сказал крепыш и поднялся, но, подумав, протянул ей руку. – Вам тоже всего хорошего.

Сати пожала ему руку.

– Знаешь, хорошо, что вас в Ханалее не съели акулы.

– А что, там бывают акулы? Правда?

– Правда, – сказала Сати. – Бывают.

Каждый вечер Сати садится перед восьмьюдесятью восемью клавишами слоновьей кости и черного дерева и ее пальцы почти машинально бегают по ним. Все это время она не думает ни о чем другом. Сквозь ее сознание проходят только отголоски звуков. Входят сюда, выходят оттуда. А когда она не играет на пианино, то размышляет о трех неделях в Ханалее в конце осени. Думает о шуме прибоя, о шелесте листвы

железных деревьев. Об уносимых тропическим ветром облаках, о парящих в небе альбатросах. А также о том, что должно ее там ждать.

Больше ей теперь думать не о чем.

Бухта Ханалей.

Где бы оно ни нашлось

– Мужниного отца три года назад задавило на-
смерть трамваем,– сказала та женщина. И сделала
небольшую паузу.

Я ничего ей на это не сказал. Лишь пару раз кив-
нул слегка, глядя собеседнице прямо в глаза. А пока
она молчала, проверил остроту дюжины карандашей
на подставке. Как игрок в гольф подбирает клюшку, я
осторожно выбрал один. Чтобы не был чересчур ост-
рым и в то же время – слишком тупым.

– Стыдно признаться,– продолжила она.

И на это я ничего не сказал. Только придвинул блок-
нот для заметок и, принаравливаясь к карандашу, за-
писал на самом верху сегодняшнее число и ее имя.

– В Токио почти не осталось трамваев – теперь там
одни автобусы. Но кое-где трамваи еще сохранились.
Как историческое наследие. Именно такой и задавил
свекра,– сказала она и беззвучно вздохнула.– Перво-
го октября три года тому назад. Ночью лил сильный
дождь.

Эту информацию я записал карандашом в блокно-
те. «Отец, три года назад, трамвай, ливень, 1 октяб-
ря, ночь». Я могу писать иероглифы только очень ак-
куратно, поэтому на любую запись требуется время.

– Свекор в тот день был очень пьян. Иначе вряд ли уснул бы прямо на трамвайных рельсах в такой ливень. Само собой.

После этих слов она опять умолкла. Сжав рот, пристально посмотрела на меня. Видимо, искала сочувствия.

– Конечно,– сказал я,– скорее всего, был выпивши.

– Похоже, набрался до потери сознания.

– И часто с ним такое бывало?

– Вы имеете в виду, часто ли он напивался до потери сознания?

Я кивнул.

– Действительно, иногда бывал весьма пьян,– признала она.– Но не часто и не до такой степени, чтобы спать на рельсах.

Я попытался, но так и не смог определить, до какой степени нужно захмелеть, чтобы умудриться уснуть на трамвайных рельсах. Это вообще вопрос меры, качества или направленности?

– Выходит, прецеденты были, но... не до такой степени, верно?

– Да, не в стельку,– ответила она.

– Разрешите осведомиться о возрасте?

– Вы хотите спросить, сколько мне лет?

– Да,– ответил я.– Разумеется, если вы не желаете отвечать на этот вопрос, считайте, что я вам его и не

задавал.

Она потерла указательным пальцем переносицу. Изящный и красивый нос – похоже, она недавно сделала пластическую операцию. У меня раньше была подружка с такой же привычкой. Тоже сделала пластическую операцию носа и, задумавшись, постоянно терла пальцем переносицу. Будто бы проверяла, на месте ли новый нос. Поэтому теперь меня охватило легкое дежавю. Оральный секс тоже вспомнился.

– В принципе, скрывать тут нечего, – сказала она. – Скоро исполнится тридцать пять.

– А сколько было свекру, когда он умер?

– Шестьдесят восемь.

– Скажите, а чем он занимался? В смысле работы.

– Был священником.

– Священником, это... в смысле, буддийским монахом?

– Да, буддийским монахом. Секты Дзёдося*. Служил настоятелем храма в районе Тосима**.

– Должно быть, это для вас сильный шок?

– То, что пьяного свекра задавило трамваем?

– Да.

* Дзёдося – секта необуддизма, основанная в конце эпохи Хэйан (1170-е гг.).

** Тосима – один из 23 районов Большого Токио.

– Несомненно, шок. Особенно для мужа, – сказала

она.

Я записал в блокноте: «68 лет, монах, Дзёдою».

Она сидела на краю дивана. Я расположился в офисном кресле за столом. Нас разделяло около двух метров. На ней был стильный костюм полынного цвета. Красивые ноги обтянуты колготками в тон изящным черным туфлям на шпильках, что смертоносно заострялись.

– Итак, – начал я, – ваша просьба имеет какое-то отношение к покойному отцу вашего супруга?

– Нет, совсем не так, – сказала она и слегка, но уверенно покачала головой, подтверждая отрицание. – К моему мужу.

– Ваш муж тоже монах?

– Нет, он работает в компании «Меррилл Линч».

– Которая ворочает ценными бумагами?

– Да, – ответила она. В ее голосе улавливалось легкое раздражение: дескать, разве есть в мире какая-то другая «Меррилл Линч»? – Он так называемый трейдер.

Я проверил, не затупился ли карандаш, и молча ждал продолжения.

– Муж был единственным ребенком в семье, но интересовался ценными бумагами куда сильнее, чем буддизмом, поэтому не пошел по стопам отца.

Она посмотрела на меня таким взглядом, словно

искала понимания: «Ведь это естественно?» Однако я не проявлял интереса ни к ценным бумагам, ни к буддизму и впечатление оставил при себе. Только сделал лицо понейтральнее: мол, я вас внимательно слушаю.

– После его смерти свекровь переехала в наш дом на Синагаве. В тот же дом, но в другую квартиру. Наша с мужем на двадцать шестом этаже, а она поселилась на двадцать четвертом. Раньше она жила вместе со свекром при храме, но из главного храма секты прислали нового настоятеля, поэтому свекровь перебралась сюда. Живет одна. Ей сейчас шестьдесят три. К слову сказать, моему мужу сорок. И если ничего не произойдет, в следующем месяце исполнится сорок один.

«Свекровь, 24-й этаж, 63 года, мужу 40, “Меррилл Линч”, 26-й этаж, район Синагава» – записал я в блокноте. Она терпеливо ждала, когда я закончу.

– Свекровь после смерти свекра начала страдать неврозом тревоги. Особенно симптомы обостряются в дождь. Пожалуй, из-за того, что свекор погиб в дождливую ночь. Такое с ней случается нередко.

Я слегка кивнул.

– Симптомы обостряются, и у нее словно ослабевает болт в голове. Тогда она звонит нам. И либо муж, либо я спускаемся к ней на два этажа, чтобы побыть

рядом. Можно сказать, успокаиваем или отвлекаем разговорами... Когда муж дома, идет он. Когда его нет – я.

Она сделала паузу, ожидая моей реакции. Но я молчал.

– Свекровь – человек неплохой. Я ни в коем случае не имею ничего против ее характера. Просто она немного нервная и за долгие годы привыкла полагаться на других. Надеюсь, вам в целом понятна ситуация.

– Думаю, что да, – ответил я.

Она быстро положила ногу на ногу и ждала, пока я что-нибудь запишу в блокнот. Но я на этот раз ничего записывать не стал.

– Телефон зазвонил в десять утра. В воскресенье. В тот день тоже шел сильный дождь. Позапрошрое воскресенье. Сегодня среда. Выходит, десять дней тому назад.

Я бросил взгляд в настольный календарь.

– Воскресенье было третьего сентября.

– Да. Действительно, третье сентября. В десять утра раздался звонок от свекрови, – сказала она. И закрыла глаза, будто что-то вспоминая.

В фильме Альфреда Хичкока в такой момент экран бы дрогнул и началась сцена воспоминаний. Но это не фильм, разумеется, флэшбэка не последовало. Вскоре женщина открыла глаза и вернулась к повествова-

нию.

– К телефону подошел муж. Он собирался в тот день на гольф, но еще с ночи погода испортилась, поэтому он никуда не поехал. Не полей в тот день дождь, и такая ситуация наверняка бы не возникла. Хотя, разумеется, все это из разряда предположений.

«3/9, гольф, дождь, отмена, свекровь, звонок» – занес я в блокнот.

– Свекровь сказала мужу, что ей тяжело дышать, кружится голова и она не может подняться со стула. Поэтому муж даже не стал бриться – лишь оделся и сразу пошел в квартиру свекрови двумя этажами ниже. А уходя, сказал: «Думаю, это много времени не займет, поэтому приготовь пока завтрак».

– Во что он был одет? – поинтересовался я. Она опять слегка потерла переносицу.

– В тенниску с коротким рукавом и твиловые брюки. Тенниска темно-серая, брюки кремовые. И то и другое куплено по каталогу «Дж. Крю». Муж близорук, поэтому всегда носит очки. «Армани» в металлической оправе. Обувь – серые «Нью бэлэнс». Без носков.

Я подробно записал все это в блокнот.

– Рост и вес сказать?

– Может пригодиться, – ответил я.

– Рост – сто семьдесят три сантиметра, вес – около семидесяти двух килограммов. До свадьбы весил

всего шестьдесят два, но за десять лет поправился.

Я записал и эту информацию. Проверил остроту карандаша и заменил другим. Приноровил к нему пальцы.

– Можно продолжать? – спросила она.

– Будьте любезны.

Она опять скрестила ноги.

– Когда зазвонил телефон, я как раз собиралась готовить оладьи. Мы всегда печем их в воскресенье по утрам. Муж, когда не ездит на гольф, наедается оладий до отвала. Он их очень любит. А еще кладет сверху прожаренный до хруста бекон.

«Немудрено, что поправился на десять кило», – подумал я, но, разумеется, вслух этого не произнес.

– Через двадцать пять минут раздался звонок от мужа. «Мать почти успокоилась, я сейчас поднимаюсь. Сделай так, чтоб мы сразу сели за стол. Есть хочешь», – сказал он. Я сразу же разогрела сковороду и стала печь оладьи. Обжарила бекон, разогрела до нужной температуры кленовый сироп. Оладьи – блюдо не из сложных, но главное в них – порядок и точный расчет времени. Однако муж все не шел. Оладьи на тарелке постепенно остыли и затвердели. Тогда я позвонила свекрови. Спросила: муж еще у вас? Нет, говорит, давно ушел.

Женщина посмотрела мне в лицо. Я молча ждал

продолжения. Она стряхнула с юбки на коленях воображаемый мусор.

– Муж растворился. Как дым. И с тех пор о нем не слышно ничего. Бесследно пропал между двадцать четвертым и двадцать шестым этажами.

– Разумеется, вы сообщили об этом в полицию.

– Естественно, – сказала женщина и слегка скривила губы. – Когда он не вернулся к часу дня, я позвонила в полицию. Но, откровенно говоря, энтузиазма в их расследовании не наблюдалось. Пришел дежурный из участка и, поняв, что следов насилия нет, сразу потерял всякий интерес. Только сказал: «Подождите пару дней. Если не вернется – идите в управление, составьте заявление о пропаже человека». Полиция, судя по всему, сочла, что муж просто взял и куда-то ушел. Просто так. Импульсивно. Опостылела ему такая жизнь, вот и подался куда глаза глядят. Но подумайте хорошенько. Это же бессмыслица. Муж направился к матери с пустыми руками: без кошелька, без водительских прав, без кредитных карточек, в конце концов, без часов. Он даже не побрился. Вдобавок позвонил и велел печь оладьи: мол, сейчас возвращаюсь. Скажите мне, какой человек, уходя из дому, будет звонить по такому поводу? Разве нет?

– Вы совершенно правы, – согласился я. – Кстати, он всегда ходит на двадцать четвертый этаж по лестни-

це?

– Муж... никогда не пользуется лифтом. Он не любит лифты. Говорил, что не может находиться в таком тесном пространстве.

– Но при этом вы выбрали для жилья двадцать шестой этаж? Так высоко?

– Да, муж постоянно ходит по лестнице. Ему не в тягость ни подниматься, ни спускаться. К тому же он считает, что это полезно для ног, и борется так с лишним весом. Конечно, времени на подъем и спуск уходит немало.

«Оладьи, 10 кг, 26-й этаж, лестница, лифт» – записал я в блокноте. И попробовал представить себе свежеиспеченные оладьи... и шагающего по лестнице мужчину.

Женщина сказала:

– Вот, в общем, все, чем мы располагаем. Возьметесь за это дело?

Тут и думать нечего. Это как раз то, что мне нужно. Однако я сделал вид, будто проверяю график работы, вношу в него какие-то коррективы. Согласись я с ходу, словно изголодался по работе, женщина заподозрит неладное.

– Сегодня до обеда у меня как раз есть время, – сказал я и бросил взгляд на часы. Без двадцати пяти двенадцать. – Если вы не против, давайте сходим к вам

домой прямо сейчас. Я хочу осмотреть то место, где в последний раз видели вашего мужа.

– Конечно, – сказала женщина и слегка нахмурилась. – То есть это значит, что за работу вы беретесь?

– Да, хотелось бы.

– Но мы, кажется, не обсудили вопрос о гонораре?

– Гонорар не нужен.

– В каком смысле? – уставилась на меня женщина.

– В том смысле, что даром.

– Но позвольте, это же ваша работа!

– Да нет же. Это не работа. Просто частная добровольная помощь. Поэтому вам не будет стоить ничего.

– Добровольная?

– Именно.

– Но даже при этом необходимые расходы...

– Я ни за что не приму никакой компенсации. Чистой воды волонтерство, поэтому получение денег невозможно ни при каких обстоятельствах.

По ее лицу было видно, что она в смятении. Пришлось объяснить:

– К счастью, у меня есть достаточный для жизни источник доходов в другой области. Моей целью не является получение денег. Просто мне самому интересно искать пропавших людей.

Точнее было бы сказать – людей, пропавших определенным образом. Но обмолвись я об этом – и раз-

говор перейдет в щекотливое русло.

– К тому же у меня есть кое-какие способности.

– Как-нибудь связанные с религией? Или это какой-то нью-эйдж?

– Нет, ничего общего ни с религией, ни с нью-эйджем.

Ее взгляд скользнул по острым шпилькам туфель. Того и гляди схватит их и кинется на меня.

– Супруг часто говорил, что ни в коем случае нельзя верить тому, что даром, – сказала она. – Может, это невежливо, только, по его словам, где-то непременно есть невидимый шнурок. Проку от такого не будет.

– В целом я вполне согласен с вашим супругом. В этом высокоразвитом капиталистическом мире бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Воистину так. Однако мне бы хотелось, чтобы вы в меня поверили. Стоит лишь вам согласиться, и дело сдвинется с места.

Она взяла лежавший рядом ридикюль «Луи Вуитон», элегантно звякнула молнией и вынула толстенный конверт. Заклеенный. Точную сумму можно было только предполагать, но смотрелся он увесисто.

– Я на всякий случай принесла для расходов на предварительное расследование...

Я непримиримо покачал головой.

– Я ни в коем случае не принимаю ни деньги, ни

благодарственные подарки или услуги. Это правило.

Если я приму оплату или вознаграждение, действия, которые я намерен предпринять, потеряют смысл. Если у вас есть лишние деньги и вы скажете, что безвозмездность моих услуг не дает вам покоя,— пожертвуйте эти деньги какой-нибудь благотворительной организации. Скажем, Обществу защиты животных или Фонду воспитания сирот автокатастроф. Куда угодно. Таким образом ваше моральное бремя в какой-то мере облегчится.

Она скривилась и, глубоко вздохнув, безмолвно опустила конверт в ридикюль. После чего положила вернувший себе пухлость и успокоенность «Луи Вуитон» на прежнее место. Коснулась рукой переносицы и посмотрела на меня, как на собаку, которая не бежит за брошенной палкой.

— Действия, которые вы намерены предпринять? — отчего-то сухо произнесла она.

Я кивнул и положил очинённый карандаш в пенал. Женщина на острых шпильках проводила меня к пролетам лестницы дома между двадцать четвертым и двадцать шестым этажами. Показала дверь своей квартиры (номер 2609), затем дверь квартиры свекрови (номер 2417). Два этажа соединялись широкой лестницей. Туда-обратно даже медленным шагом — от силы пять минут.

– Муж решил купить квартиру в этом доме отчасти из-за широкой и светлой лестницы. В большинстве высотных домов они сделаны небрежно. Широкие лестницы требуют много места, почти никто из жильцов по ним не ходит, все ездят на лифте. Поэтому застройщики все свои силы бросают на более заметные места. Например, выкладывают холлы роскошным мрамором или оборудуют библиотеки. Однако муж мой считал, что лестница важнее всего. Лестница – это своеобразный позвоночник здания.

Лестница действительно была внушительной. На площадке между 25-м и 26-м этажами стоял трехместный диван, на стене висело большое зеркало. Имелась пепельница на подставке, а также горшки с декоративными цветами. Сквозь широкое окно виднелись голубое небо и одинокие облачка. Но открыть его было невозможно.

– Столько места есть на каждом этаже? – поинтересовался я.

– Нет. Рекреации оборудованы по одной через пять этажей. На каждом этаже такого нет, – сказала женщина. – Хотите осмотреть квартиру свекрови?

– Нет, думаю, пока такой необходимости нет.

– После необъяснимой пропажи мужа свекрови стало совсем плохо, – сказала женщина. И слегка потрясла рукой. – Сильный шок. Что тут говорить.

– Разумеется, – согласился я. – Надеюсь, в ходе расследования я вашу свекровь не потревожу.

– Буду вам признательна. И еще – прошу держать это в секрете от соседей. О пропаже мужа я никому не говорила.

– Понял, – сказал я. – Кстати, госпожа, вы сами обычно ходите по этой лестнице?

– Нет, – ответила она. И, будто бы я ее в чем-то обвинял, приподняла брови. – Обычно я езжу на лифте. Когда мы с мужем выходим вместе, я посылаю его вперед по лестнице. Встречаемся в нижнем вестибюле. Возвращаясь домой, я первой поднимаюсь на лифте, а спустя какое-то время приходит он. В туфлях на шпильке ходить вверх-вниз по лестнице и опасно, и телу не на пользу.

– Пожалуй.

Я сказал ей, что хочу в одиночестве кое-что проверить, и попросил сказать привратнику, что спящий по лестнице между 24-м и 26-м этажами человек ведет следствие страхового характера. Прими он меня за домошника и вызови полицию, неприятностей не миновать. Ведь у меня нет того, что можно назвать статусом.

– Предупрежу, – ответила она. И, агрессивно цокая шпильками, удалилась вверх по лестнице.

Но и после того, как она пропала из виду, стук шпи-

лек отдавался в пространстве, словно гвоздем приколачивали несчастливое объявление. Однако вскоре стук затих и воцарилась тишина. Я остался один.

Я раза три пешком спустился и поднялся между 26-м и 24-м этажами. Сначала – с обычной скоростью шагающего человека, а остальные два раза – медленно и внимательно оглядывая все вокруг. Я сосредоточился, стараясь не упустить ни единой мельчайшей детали. Почти не моргал. Все происходящее оставляет после себя знаки. Выявить их – моя первоочередная работа. Однако лестница была прибрана так тщательно, что не осталось никакого мусора. Ни малейшего пятнышка, ни единой вмятины или царапины. Даже в пепельнице ни окурка.

Устав наконец ходить, почти не моргая, я присел на диван на площадке для отдыха. Не очень дорогой диван – простой, обтянутый синтетическим покрытием. Но похвалы заслуживало одно то, что на лестничной площадке поставили такую, казалось бы, бесполезную вещь. К стене прямо напротив дивана прикреплено большое трюмо, зеркало отполировано до блеска. И свет струился из окна под самым подходящим углом. Некоторое время я разглядывал себя. Не исключено, что и пропавший в то воскресенье трейдер так же рассматривал здесь собственный облик. Еще не бритый собственный облик.

Я-то как раз побрился, но волосы у меня уже отросли. Торчали из-за ушей, как у только что переплывшей реку длинношерстной охотничьей собаки. Нужно срочно в парикмахерскую. Да уж... брюки и носки не подходят по цвету. Никак не мог найти носки в тон. Никто ведь меня не осудит, если я наконец-то соберу все в кучу да постираю. А в остальном я выглядел как обычно. Сорок пять лет, холост. Ни к ценным бумагам, ни к буддизму интереса не питаю.

«Кстати говоря, Поль Гоген тоже торговал акциями,— подумал я.— Но всерьез решил заняться живописью и однажды, оставив жену с ребенком, в одиночестве уехал на Таити. А может быть...» Но даже Гоген не оставлял кошелька, а существуй в те времена «Америкэн экспресс», не забыл бы прихватить карточку. Ехать ведь не куда-нибудь, на Таити. К тому же вряд ли он пропадал, наказав жене: «Я возвращаюсь, напеки оладий». Даже в пропажах должна быть какая-то система.

Я встал с дивана и поднялся по лестнице еще раз, теперь уже с мыслями об оладьях. Сосредоточившись до упора, представил: я – сотрудник компании ценных бумаг, мне сорок лет, сейчас воскресное утро, на улице льет дождь, и я собираюсь вернуться домой к завтраку с оладьями. Постепенно мне очень серьезно захотелось оладий. Еще бы, с самого утра я не ел

ничего, кроме одного маленького яблока.

Я даже подумал, не сходить ли прямо сейчас в «Дениз» поесть оладий, припомнив, что по пути сюда видел у дороги вывеску. Рукой подать. Оладьи в «Денизе» нельзя назвать вкусными (и качество масла, и вкус кленового сиропа ниже предпочитаемого мною уровня), но я был готов стерпеть даже это. Признаться, их я тоже очень люблю. Во рту вкрадчиво закипела слюна. Однако я покачал головой и стойко изгнал все мысли об оладьях. Вроде как распахнул окно и разогнал тучки сумасбродной идеи. А на самого себя прикрикнул: «Оладьи будешь есть после. Тебе и так есть чем позаниматься».

– Надо было задать ей вопрос, – пробурчал я себе под нос, – есть ли у мужа хобби. Может, он тоже писал картины.

Однако мужчина, любящий рисовать до такой степени, что готов, бросив семью, уйти из дому, вряд ли будет по воскресеньям спозаранку ездить на гольф, тут же усомнился я. Можно ли представить, как переобутые в туфли для гольфа Гоген, Ван Гог и Пикассо, опустившись на колени, увлеченно считывают рельеф грина десятой лунки? Нельзя. Супруг просто исчез. Между 24-м и 26-м этажами. Наверняка при совершенно непредвиденных обстоятельствах (ведь его первейшие на тот момент планы – поесть оладьи).

Хорошо, будем отталкиваться от этой версии.

Я опять присел на диван, посмотрел на часы. Час тридцать две. Закрыв глаза, собрал сознание в особой области мозга. И, ни о чем не думая, вверил себя зыбучему песку времени. Не шелохнувшись, позволил его течению унести себя куда-нибудь. Затем открыл глаза и посмотрел на часы. Стрелки показывали без трех два. Двадцати пяти минут как не бывало. «Неплохо,— подумал я,— правда, толку никакого. Но совсем неплохо!»

Я еще раз посмотрелся в зеркало. Там отражался я сам — такой, как всегда. Поднимаю правую руку, отражение — левую. Я поднимаю левую — оно правую. Показав, что опускаю правую, тут же опускаю левую, а оно, делая вид, что опускает левую, тут же опускает правую. Нет проблем. Я поднялся с дивана и, прошагав двадцать пять этажей, спустился в вестибюль.

С тех пор каждый день около одиннадцати я посещал эту лестницу. Познакомился с привратником (принес ему в подарок сладости) и стал свободно проходить в дом. Пролет между 24-м и 26-м этажами исходил раз двести. А когда уставал, садился на диван, разглядывал небо в окне, проверял в зеркале, как выгляжу. Я сходил в парикмахерскую, коротко постригся, начал стирать вещи, не откладывая на потом, и носки стал носить в тон брюкам. Так, по крайней мере, никто

пальцем тыкать не будет.

Но как бы внимательно ни искал, никаких особых признаков я так и не обнаружил, хотя особо по этому поводу не горевал. Поиск важного признака похож на приручение строптивного зверя. Легко не бывает. Терпение и внимание – вот самые необходимые для этого дела свойства характера. Ну и разумеется, интуиция.

Бывая там каждый день, я узнал, что люди по лестнице все-таки ходят. Пусть и немного. Ежедневно мигнут рекреацию несколько человек – и по меньшей мере пользуются ею. Я сделал вывод об этом по обертке от карамельки у ножки дивана, окурку «Мальборо» в пепельнице и прочитанным газетам.

В воскресенье после обеда я разминулся с бегущим вверх человеком. Небольшого роста мужчина за тридцать, с загрубелым лицом. В зеленой спортивной форме и кроссовках «Ассикс». На руке – большие часы фирмы «Касио».

– Здравствуйте, – обратился я к нему. – Можно вас на минутку отвлечь?

– Пожалуйста, – ответил он и нажал на кнопку секундомера. Несколько раз глубоко вдохнул. Майка-безрукавка с эмблемой «Найк» на груди была вся мокра от пота.

– Вы всегда спускаетесь и поднимаетесь по этой лестнице бегом? – поинтересовался я.

– Только поднимаюсь. До тридцать второго этажа. Обратно спускаюсь на лифте. Бегать вниз по лестнице небезопасно.

– И так каждый день?

– Нет, я сильно занят по службе, и времени почти не остается. По выходным делаю несколько рейсов туда и обратно. Ну и в будние дни бегаю, когда удастся пораньше вернуться домой.

– Вы здесь живете?

– Разумеется, – сказал бегун, – на семнадцатом этаже.

– А вы, случаем, не знаете господина Курумидзаву с двадцать шестого?

– Курумидзаву?

– Носит очки «Армани» в металлической оправе, работает трейдером в компании ценных бумаг, поднимается и спускается всегда по лестнице. Рост – сто семьдесят три сантиметра. Возраст – сорок лет.

Бегун, немного подумав, вспомнил.

– А-а, вон кто! Знаю. Как-то раз с ним разговаривал. Бывает, разминемся на ступеньках. А иногда он сидит на диване. Он еще говорит, не любит лифты и ходит только по лестнице, верно?

– Точно, это он, – сказал я. – Кстати, а есть еще люди помимо господина Курумидзавы, которые ходят по этой лестнице каждый день?

– Да, есть,— ответил он.— Правда, не так-то и много, но еще остались любители. Некоторые терпеть не могут лифт. Кроме меня тут время от времени бегают пара человек. В этой округе нет хорошего маршрута для пробежек, так они здесь круги наворачивают. И еще несколько человек – правда, те не бегают, а так ходят, здоровье поддержать. Лестница здесь видите какая – широкая, светлая. Здесь уютнее, чем в других многоэтажках.

– А вы, случайно, имен не знаете?

– Нет,— ответил бегун.— В лицо помню, когда встречаемся – кланяемся. А вот имен, номеров квартир не знаю. Что ни говори, тут много народу живет.

– Понятное дело. Спасибо вам большое,— сказал я.— Извините, что задержал. Успехов вам.

Мужчина нажал на кнопку часов и опять устремился вверх.

Во вторник, когда я сидел на диване, по лестнице спустился старик. Седой, в очках, по виду – лет семьдесят пять. В рубаше с длинными рукавами, серых брюках и сандалиях. Одежда вся чистая, выглаженная. Высокого роста, с хорошей осанкой. Похож на директора начальной школы, который только что вышел на пенсию.

– Добрый день,— поздоровался он.

– День добрый,— ответил я.

– Не возражаете, если я здесь покурю?

– Да, конечно. Не стесняйтесь.

Он сел рядом, достал из кармана брьюк «Севен стар» и прикурил от спички. Затушил ее и бросил в пепельницу.

– Я с двадцать шестого этажа, – неспешно выпустив клуб дыма, произнес он. – Живу с семьей сына, но они жалуются, что, если буду курить в квартире, все пропахнет никотином. Вот я и хожу сюда покурить. А вы курите?

– Нет, уже лет двенадцать как бросил.

– Мне тоже ничто не мешает бросить. Сколько я там курю – всего несколько штук в день. Захочу – брошу в любой момент. Только вот... сходить за сигаретами на улицу, выйти из квартиры, специально прийти сюда, покурить... За всей этой мелкой суетой время течет размеренно. Двигаешься, не забиваешь голову всякой ерундой.

– Иными словами, продолжаете курить ради здоровья.

– Именно так.

– Вы говорили, живете на двадцать шестом?

– Да.

– Тогда, наверное, знаете господина Курумидзаву из две тысячи шестьсот девятой?

– Да, знаю. Мужчина в очках. Работал, кажется, в

«Соломон бразерз»...

– «Меррилл Линч», – поправил я.

– Точно, «Меррилл Линч». Несколько раз доводилось здесь с ним поговорить. Бывало, сживал на этой скамейке.

– А что он тут делал?

– Ну-у... этого я не знаю. Просто сидел, думал... Вроде не курил.

– О чем-нибудь размышлял?

– Не знаю... В чем тут разница – задумчивость... размышления... Мы ежедневно размышляем о разных вещах. Причем живем ни в коем случае не для размышлений, но и вряд ли размышляем для того, чтобы жить. Это противоречит теории Паскаля, но порой мы, пожалуй, наоборот, размышляем с целью не утруждать себя жизнью. И задумчивость наша, быть может, бессознательно уравнивает такое противодействие. В любом случае вопрос не из легких.

Сказав это, старик глубоко затянулся. Я поинтересовался:

– А господин Курумидзава, случайно, не рассказывал о трудностях на работе, семейных ссорах?

Старик покачал головой, стряхивая пепел.

– Как вам известно, вода всегда течет по кратчайшему пути, предоставленному ей. Однако в некоторых случаях кратчайший путь создается самой водой.

Мысли человека – они похожи на воду. Мне всегда так казалось... Однако ваш вопрос требует ответа. Мне ни разу не доводилось вести с господином Курумидзавой разговоры на такие темы. Лишь по мелочам... о погоде, правилах проживания в доме.

– Понятно. Извините, что отнял у вас время.

– Порой мы не нуждаемся в словах, – сказал старик, похоже не услышав меня. – Но, с другой стороны, слова, я убежден, постоянно нуждаются в нашем посредничестве. Не будь нас, не будет смысла их существования. Разве не так? Они станут словами, непроизносимыми вечно, а произносимые слова уже не слова.

– Именно так, – сказал я.

– Это тезис, над которым стоит размышлять снова и снова.

– Как над катехизисом дзен-буддизма.

– Именно, – кивнув, ответил старик. Докурив сигарету, он встал и направился к себе.

– Ну, будьте здоровы, – попрощался он.

– До свидания.

Когда я поднялся на лестничную площадку между 25-м и 26-м этажами в пятницу в третьем часу дня, там на диване сидела и разглядывала себя в зеркале маленькая девочка. При этом она что-то напевала. По возрасту – едва поступила в начальную школу. В ро-

зовой маечке, коротких джинсах, с рюкзачком за спиной и панамой на коленях.

– Здравствуй,– сказал я.

– Здравствуй,– прервавшись, ответила она. Признаться, я бы с радостью присел рядом, но не хотелось сомнительно выглядеть в глазах случайного прохожего, и я завел разговор издали, прислонившись к стене возле окна.

– Уже из школы? – поинтересовался я.

– О школе и слышать ничего не хочу,– заявила она. Вполне безапелляционно так заявила.

– Ладно, о школе не буду,– ответил я.– А ты в этом доме живешь?

– Да, живу,– сказала она.– На двадцать седьмом.

– И что, ходишь вверх-вниз по лестнице?

– Просто в лифте воняет...

– И поэтому ты ходишь пешком на двадцать седьмой?

Девочка убедительно кивнула собственному отражению.

– Ну, не всегда. Время от времени.

– А ноги не устают?

Девочка на мой вопрос не ответила.

– Дяденька, а знаешь, из всех зеркал в доме тут отражение самое красивое. К тому же совсем не такое, как у нас дома.

– И чем же оно отличается?

– Смотри сам! – сказала она.

Шагнув вперед, я повернулся к зеркалу и некоторое время разглядывал в нем собственную фигуру. После ее слов мне действительно показалось, что мой облик в этом зеркале самую малость отличается от отражений в других. В этом Зазеркалье я выглядел чуточку упитанней и слегка оптимистичней. Скажем, словно только что налопался горячих оладий.

– Дяденька, а у тебя есть собака?

– Нет, собаки нет. Есть аквариум с рыбками.

– А-а, – протянула она. Но рыбки, похоже, ее не интересовали.

– Любишь собак? – спросил я.

Не ответив на мой вопрос, она задала другой:

– А дети у тебя есть?

– Детей тоже нет.

Девчушка посмотрела мне в лицо подозрительно:

– Мама говорит, что с бездетными мужчинами разговаривать нельзя. Среди них, по вероятности, много людей со странностями.

– Совсем не обязательно, но... с посторонними мужчинами действительно нужно быть внимательной. В этом твоя мама права.

– Но ты же не со странностями, да?

– Думаю, нет.

– Пиписку ни с того ни с сего не показываешь?

– Нет.

– Трусики маленьких девочек не собираешь?

– Нет.

– А что-нибудь вообще собираешь?

Я на миг задумался. Вообще-то я коллекционирую первые издания книг современной поэзии, но об этом здесь упоминать бессмысленно.

– Ничего особенного. А ты?

Она тоже немного подумала. Затем несколько раз помотала головой.

– Пожалуй, тоже ничего.

И мы на некоторое время замолчали.

– Слышь, дяденька, а что ты больше всего любишь в «Мистере Донате»?

– «Старомодный», – тут же ответил я.

– Не знаю такого, – сказала девчушка. – Странное название. А мне нравится «Теплая луна», там... «Сливочный заяц»...

– Не слышал ни о том ни о другом.

– ...с начинкой из желе и сладкой бобовой пасты. Вкусня-атина! Только мама говорит, если есть много сладкого, будет плохо с головой, и покупает их редко.

– Должно быть, и впрямь вкусные, – сказал я.

– Дяденька, а что ты здесь делаешь? Вчера тоже приходил, да? Я тебя заметила.

– Ищу здесь кое-что.

– А какое оно – это «кое-что»?

– Сам не знаю, – честно признался я. – Пожалуй, похоже на дверь.

– На дверь? – переспросила девочка. – На какую дверь? Двери тоже ведь бывают разные. По форме и цвету.

Я задумался. Хм, какой она формы? А цвета? Странно – до сих пор мне и в голову не приходили мысли о форме и цвете дверей. Чудной разговор...

– Не знаю. Какой она может быть формы и цвета... А может, она и вовсе не дверь!..

– Или похожа на зонтик?

– На зонтик? – теперь уже переспросил я. – А что, вполне может быть и зонтик.

– Но зонтик и дверь – они такие разные: и по форме, и по размеру, и по предназначению.

– Верно – разные. Но я с первого взгляда, не сходя с места должен понять: во, это как раз то, что я искал. Будь оно зонтиком, или дверью, или пончиком.

– Хм... А ты, дяденька, давно это ищешь?

– Очень давно. Начал, когда ты еще не родилась.

– Вот что! – воскликнула девочка и, разглядывая собственную ладонь, о чем-то вдруг задумалась. – Давай я буду тебе помогать? Искать...

– Буду очень рад, если сможешь.

– Одним словом, нужно искать дверь, или зонтик, или пончики, или слона... или что-то в этом роде, так?

– Именно,— ответил я.— Но понятное с первого взгляда: вот оно!

– Здорово! — обрадовалась девочка.— Но сейчас мне надо идти: у меня сегодня балет.

– Тогда пока,— сказал я.— Спасибо, что поболтала со мной.

– Это... скажи еще раз, как называются твои любимые пончики?

– «Старомодные».

Нахмутив лоб, девочка несколько раз повторила про себя: старо-модные, старо-модные.

– До свидания,— сказала она напоследок.

– До свидания,— ответил я.

А она встала с дивана и, напевая себе под нос, поднялась по лестнице и пропала из виду. Я же, закрыв глаза, опять вверил себя течению времени, бесцельно его убивая.

В субботу позвонила заказчица.

– Муж нашелся,— выпалила она. Без приветствия и прочих церемоний.

– Нашелся? — переспросил я.

– Да, вчера днем. Позвонили из полиции. Его обнаружили спящим на скамейке в зале ожидания вокзала Сэндай*. Без денег, без документов. Благо постепен-

но вспомнил имя, адрес и номер телефона. Я сразу поехала в Сэндай. Без сомнения, это он.

* Около 360 км от Токио.

– А каким он образом... в Сэндае? – поинтересовался я.

– Он и сам не может понять. Говорит, очнулся – лежу на скамейке вокзала Сэндай, а дежурный по станции трясет за плечо. При этом совершенно не может вспомнить, как без гроша в кармане оказался там, где и что делал целых двадцать дней, каким образом питался...

– Во что он был одет?

– В чем вышел из дома. За двадцать дней отросла борода, похудел на добрых десять кило. Где-то потерял очки. Я вам сейчас звоню из больницы Сэндая. Муж здесь проходит медицинское обследование: томография, рентген, психиатрическая экспертиза... Врачи сказали, что головной мозг работает нормально и физическое состояние опасений не вызывает. Обычный провал памяти. Как вышел из квартиры матери, как поднимался по лестнице – помнит. Что было дальше – нет. Но, во всяком случае, надеюсь, завтра сможем вернуться в Токио вместе.

– Это хорошо.

– Я очень признательна вам за расследование. Но теперь необходимости отнимать ваше драгоценное

время больше нет.

– Похоже, что так,— сказал я.

– Темное это дело, с какой стороны ни посмотри, много непонятного. Но как бы там ни было, муж вернулся живым и здоровым. Для меня это самое главное.

– Несомненно, вы правы,— сказал я.— Что здесь может быть главнее?

– Так вот о благодарности... Вы что, так и не примете?

– Как я вам уже говорил на первой встрече, я не беру ничего, что может относиться к вознаграждению. Поэтому прошу вас даже не беспокоиться. При этом благодарю за беспокойство.

Повисло молчание. Невозмутимое: дескать, мое дело предложить, и я это сделала. Я тоже по мере сил поучаствовал в этом молчании, какое-то время наслаждаясь его невозмутимостью.

– Ну, будьте здоровы,— вскоре произнесла женщина и повесила трубку. С каким-то, я бы даже сказал, сочувствием.

Я тоже опустил трубку. Затем, вращая в руке новый карандаш, уставился в белый лист блокнота. Этот белый как снег лист напомнил мне о только что вернувшейся из химчистки свежей простыне. В свою очередь, свежая простыня напомнила о вальяжно дре-

мавшем на ней покладистом трехцветном бобтейле. Образ дремлющего на свежей простыне покладистого бобтейла несколько меня успокоил. Затем я напряг память и аккуратно записал на белом блокнотном листе одно за другим: «Вокзал Сэндай, в пятницу около полудня, телефон, похудел на 10 кило, та же одежда, очки утеряны, провал памяти на 20 дней».

Провал памяти на двадцать дней.

Я положил карандаш на стол, откинулся на стуле и посмотрел в потолок. Оказывается, по нему разбегается узор неправильной формы. Я присмотрелся, и мне показалось, что он напоминает карту звездного неба. Разглядывая это вымышленное небо, я подумал: ради собственного здоровья, пожалуй, стоит снова закурить. В голове продолжали едва слышно цокать по лестнице шпильки.

– Курумидзава-сан, – заговорил я вслух, обращаясь к углу на потолке, – добро пожаловать назад, в реальный мир. В красивый трехмерный мир, окружающий вас: с его страдающей неврозом страха мамашей, женой на шпильках, что как ледорубы, с его «Меррилл Линчем»...

А я опять буду искать нечто, формой похожее на дверь, или зонтик, или пончик, или слона, – где-нибудь в другом месте. Там, где бы оно ни нашлось.

Перекасти-камень в форме почки

Вот что сказал отец, когда Дзюмпэю было шестнадцать. Хоть в жилах сына и текла родительская кровь, их отношения не располагали к беседам по душам. К тому же отец лишь изредка высказывал свои философские (философские ли? пожалуй) взгляды на жизнь, поэтому тот диалог врезался в память отчетливо. Но что к нему привело, Дзюмпэй совершенно не помнил.

– Лишь три женщины по-настоящему имеют для мужчины смысл в жизни. Это не много, но и не мало, – сказал отец.

Даже не сказал – заявил. Равнодушно, однако все же категорично. Таким тоном говорят, что Земля делает оборот вокруг Солнца за год. Дзюмпэй молчал и слушал. Он удивился этой фразе, сказанной ни с того ни с сего, и как-то даже не смог сообразить, что должен ответить.

– Поэтому сколько бы ты ни знакомился и ни встречался с разными женщинами, – продолжал отец, – ошибешься в выборе – считай, зря потратил попытку. Запомни это хорошенько.

Спустя время в голову сына закрались сомнения: «Судьба уже свела отца с этими тремя женщинами?»

Мать – одна из них? Если так, что у него было с остальными двумя?» Но спросить об этом у отца он не мог. Напоминаю: до уровня откровенных разговоров их отношения не дотягивали.

В восемнадцать он покинул родительский дом, поступил в один из токийских институтов, с тех пор несколько раз знакомился и встречался с девушками. Одна вроде бы «по-настоящему имела для него смысл». В этом он был уверен – и, пожалуй, верит по сей день. Но пока Дзюмпэй пытался сформулировать, как ей открыться (такой уж характер – на раздумья ему требовалось времени больше, чем прочим), она вышла замуж за его близкого друга. И успела стать матерью. Тем самым из жизненного выбора ее пришлось исключить. Вообще скрепя сердце выбросить ее из головы. Как результат, на долю Дзюмпэя, если придерживаться отцовской теории, теперь оставалось всего две «по-настоящему имеющих смысл» женщины.

При каждом новом знакомстве Дзюмпэй задавал себе вопрос: а действительно ли эта женщина имеет для него смысл? Так рождалась дилемма. Сохраняя надежду, что каждая новая встреча станет «по-настоящему имеющей смысл» (разве кто-то надеется на иное?), Дзюмпэй вместе с тем опасался преждевременно истратить остававшийся лимит. Неудачная

попытка связать жизнь с той первой и очень дорогой для него женщиной подкосила его уверенность в собственных возможностях – очень важной способности своевременно и уместно реализовать любовное чувство. В итоге он считал, что, хватаясь за никчемное множество, он все так же упускает нечто самое важное в жизни. И с каждым разом его душа погружается все глубже туда, где нет света и тепла.

Так постепенно дошло до того, что после знакомства с каждой новой женщиной он через некоторое время в глубине души успокаивался и замечал в ее характере либо поступках и действиях хоть что-то – любую мелочь, приходившуюся не по душе; она и вызвала в нем раздражение. У Дзюмпэя это вошло в привычку – поддерживать с многочисленными женщинами поверхностные отношения, держаться от них на расстоянии. Он некоторое время встречался с такой партнершей, присматривался к ее поведению, но, дойдя до определенного предела, отношения прекращал. При расставании хотя бы не было вражды и ругани. Даже скажем так: он с самого начала избегал отношений с теми, кто не давал надежды на мирное расторжение отношений. Незаметно Дзюмпэй обрел нечто вроде нюха на удобных для себя партнерш.

Он и сам не мог понять, откуда такая способность: из глубин его природы или сформировалась апосте-

риори. Если апостериори, ее вполне можно назвать проклятием отца. Заканчивая институт, он крепко поругался с родителем, прекратив с ним все отношения, – и лишь отцовская теория о трех женщинах, ничем, правда, не подкрепленная, не оставляла его в покое. Порой – отчасти в шутку – даже приходила на ум мысль о гомосексуализме. Глядишь, так и удастся избавиться от этого дурацкого отсчета. Однако хорошо это или плохо, но Дзюмпэй испытывал физический интерес все равно только к женщинам.

Как позже выяснилось, женщина, с которой он тогда познакомился, оказалась старше его. Ей было тридцать шесть, ему – тридцать один. Один его знакомый открывал французский ресторанчик где-то по пути от Эбису к Дайкан-яма и пригласил его на церемонию. Дзюмпэй был в летнем пиджаке в тон шелковой темно-синей рубашке «Перри Эллис». Друг, с которым он договаривался о встрече на вечеринке, прийти не смог, и поэтому он не знал, куда себя девать. Сидя в одиночестве на стуле возле стойки бара, он потягивал бордо из бокала. И вот, когда он собрался было уходить и уже начал искать глазами хозяина, чтобы попрощаться, к нему, держа в руке неизвестный коктейль фиолетового цвета, подошла высокая женщина. Первым делом на Дзюмпэя произвела впечатление ее великолепная осанка.

– Говорят, вы писатель? Что, правда? – спросила она, положив руку на барную стойку.

– В общем, похоже, что так, – ответил он.

– То есть в общем писатель? Дзюмпэй кивнул.

– И сколько у вас книг?

– Пара сборников рассказов да перевод. Ни один толком не продан.

Она окинула его оценивающим взглядом. И улыбнулась, вполне довольная увиденным.

– В любом случае с настоящим писателем мне довелось встретиться впервые в жизни.

– Очень приятно.

– Взаимно, – ответила она.

– Хотя ничего интересного во встрече с писателем нет, – как бы оправдываясь, сказал Дзюмпэй, – поскольку никаким особым мастерством я не владею. Пианист может сыграть на фортепьяно, художник – скажем, сделать набросок, иллюзионист – показать фокус... А писатель не может ничего.

– Ну а, скажем, оценить нечто вроде художественной ауры? Разве этого нет?

– Художественной ауры? – переспросил Дзюмпэй.

– Сияние, которого вряд ли можно ожидать от простых людей.

– Каждое утро, когда бреюсь, разглядываю в зеркале собственную физиономию, но ничего подобного не

замечал.

Женщина улыбнулась.

– А что у вас за рассказы, если не секрет?

– Меня часто об этом спрашивают, но объяснить, что у меня за рассказы, непросто. Они не подходят ни под какой жанр.

Женщина потирала пальцем край бокала с коктейлем.

– Выходит, одним словом... эдакая «чистая литература»?

– Пожалуй. Там чувствуются отзвуки «писем несчастья».

Она опять улыбнулась.

– Кстати, я могла где-то о вас слышать?

– Литературные альманахи читаете?

Она слегка, но довольно резко качнула головой.

– Тогда, думаю, вряд ли. Мое имя мало кому известно.

– Номинировали на премию Акутагавы?*

* Премия Акутагавы – самая престижная литературная премия Японии, присуждаемая debutантам. Учреждена в 1935 г.

– Четыре раза за пять лет. . – Но лауреатом не стали?

Дзюмпэй только тихо улыбнулся. А женщина без спросу уселась на соседний стул. И допила коктейль.

– Ну и ладно. Премия – это дело чужого вкуса, – сказала она.

– Было бы правдой в устах того, кто ее получил. Она представилась. Кириэ.

– Как в богослужении, – сказал Дзюмпэй.

Она была на пару сантиметров выше Дзюмпэя. С короткой стрижкой, загорелая, с красивой головой. В юбке-клеш до колен и льняном бледно-зеленом жакете. Рукава подвернуты до локтей. Под ним – простая блузка из хлопка, а на воротнике – брошь с голубой бирюзой. Грудь не маленькая и не большая. Одежда со вкусом: ничего лишнего, но видна индивидуальность. Губы пухлые, после каждой фразы они, растягиваясь, как-то поджимались. Из-за чего все, что ее окружало, выглядело на удивление свежо и бодро. У нее был широкий лоб, по которому разбегались три параллельные морщины, когда она задумывалась. А стоило отвлечься от размышлений, морщины мигом исчезали.

Дзюмпэй ощутил, как она завладела его сердцем. Нечто в ней возбуждало чувство. Хватанувшее адреналина сердце едва слышно постукивало, словно украдкой посылая сигналы. Дзюмпэю вдруг захотелось пить, и он заказал проходившему мимо официанту «Перрье». «Имеет ли она для меня смысл? – как обычно подумал он. – Одна ли из оставшихся двух?»

Сделать вторую попытку? Пропустить? Или замахнуться?»

– Давно хотели стать писателем? – спросила Кириэ.

– Да. Вообще-то я и не думал заниматься чем-то другим.

– Короче говоря, не было мечты?

– Как сказать. Я мечтал стать выдающимся писателем. – Дзюмпэй развел руки, очертив пространство сантиметров в тридцать. – Однако, сдается мне, до этого ой как далеко.

– У каждого есть отправная точка. Все еще впереди. Идеально сделать сразу не получается, – сказала она. – Вам сейчас сколько?

Так они узнали возраст друг друга. Ее совершенно не смутило, что она оказалась старше. Дзюмпэя тоже. Он, если уж на то пошло, молодым девушкам предпочитал зрелых женщин. К тому же в большинстве случаев расставаться с партнершами старше было проще.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовался Дзюмпэй.

Кириэ поджала губы, и лицо ее впервые посерьезнело.

– Ну а чем я, по-вашему, могу заниматься?

Дзюмпэй качнул бокал, и вино устремилось по кругу.

– Подскажете?

– Никаких подсказок. Или так тяжело? Однако наблюдать и делать выводы – это ведь ваша работа?

. – Нет, не моя. Истинная суть писателя – наблюдать, наблюдать и снова наблюдать, а выводы, насколько это возможно, оставлять на потом.

– Вот как? – сказала она.– Тогда наблюдайте, наблюдайте и снова наблюдайте – и попробуйте представить. Это, надеюсь, не противоречит вашей профессиональной теории?

Дзюмпэй поднял голову и снова пристально взгляделся в ее лицо – в надежде уловить некий тайный знак. А женщина заглянула прямо ему в глаза, и он ответил ей таким же прямым взглядом.

– У меня есть беспочвенное предположение... Нечто связанное с особой профессией? – сказал он через некоторое время.– Иными словами, работа, доступная не каждому и требующая специальных навыков?

– В самую точку! Верно, доступная не каждому. В этом вы правы. А не могли бы поконкретней?

– Связано с музыкой?

– No.

– Кутюрье?

– No.

– Теннисистка?

– No.

Дзюмпэй покачал головой.

– Вы загорелая, подтянутая, сильные руки. Занимаетесь спортом на природе. Однако не похоже, что это тяжелый труд на свежем воздухе.

Кириэ подтянула рукава жакета, опустила оголившиеся руки на стойку бара и, вывернув их, осмотрела запястья.

– Пока впечатляет.

– Но угадать не могу.

– Маленькая тайна необходима, – сказала Кириэ. – К тому же я не хочу лишать вас профессиональной радости наблюдать и представлять... Однако дам лишь одну подсказку. Я, как и вы...

– Как и я?

– Одним словом, я выбрала профессией то, что хотела делать давно – с самого детства. Как и вы. До сих пор путь был нелегким.

– Это хорошо, – сказал Дзюмпэй, – это... очень важно. Профессия изначально должна быть актом любви. И никак не браком по расчету.

– Актом любви, – повторила Кириэ с восхищением. – Чудесная аллегория.

– Кстати, мне приходилось раньше слышать твое имя? – спросил Дзюмпэй.

Она покачала головой.

– Думаю, нет. Мое имя в обществе неизвестно.

– У каждого есть отправная точка.

– Именно, – сказала Кириэ и улыбнулась. Затем ее лицо стало опять серьезным. – Однако, в отличие от вас, в моем случае с самого начала требовалось совершенство. Ошибка не прощалась. Ты совершенен – или нет. Третьего не дано. Как и права на повтор.

– И это тоже подсказка.

– Пожалуй.

Подошел официант, держа поднос с фужерами шампанского. Она взяла два, один передала Дзюмпэю и сказала:

– Выпьем.

– За наши специальности, – подхватил Дзюмпэй.

Они чокнулись. Раздался легкий и таинственный звон.

– Кстати, вы женаты? Дзюмпэй покачал головой.

– Я тоже не замужем, – сказала Кириэ.

Ту ночь она провела у Дзюмпэя. Пили вино, подаренное заведением, где познакомились, занимались сексом, а потом уснули. Когда Дзюмпэй в одиннадцатом часу утра проснулся, ее уже не было. На соседней подушке осталась лишь вмятина – словно оттиск утраченной памяти. А на подушке лежала записка: «Ухожу. Пора на работу. Если возникнет желание – позвони».

Он набрал ее номер, и они встретились в субботу вечером. Поужинали в ресторане, слегка выпили, позанимались сексом у Дзюмпэя и вместе уснули. Утром она опять исчезла. Несмотря на воскресный день, осталась лишь короткая записка: «У меня работа. Исчезаю». Чем она занимается, Дзюмпэй по-прежнему не знал. Одно очевидно: работает она спозаранку. И как минимум по воскресеньям тоже.

Они разговаривали обо всем на свете. Кириэ не страдала комплексами и умела поговорить. Ничего не стесняясь. Она с удовольствием читала книги – биографические, исторические, по психологии и научно-популярные, но не художественную литературу. И на удивление обладала обширными познаниями во всех этих областях. Однажды Дзюмпэя несказанно поразила ее осведомленность в истории строительства сборных домов.

– Погоди, сборные дома? Может, ты работаешь в строительстве?

– No!– ответила она.– Меня интересуют вполне реальные вещи. Только и всего.

Это не помешало ей, прочитав два сборника рассказов Дзюмпэя, лестно о них отозваться.

– Интересней, чем я ожидала. Правда, я втайне переживала,– призналась она.– Думала, как быть, если они мне вдруг покажутся скучными. И что тебе тогда

сказать? Но я зря сомневалась – мне очень понравилось, правда.

– Вот и хорошо! – вырвалось у него с облегчением. Когда он давал ей свои книжки – беспокоился о том же.

– Это не лесть,– сказала Кириэ.– В тебе есть нечто... необходимое для того, чтобы прославиться. В рассказах у тебя разлито спокойствие, и некоторые написаны очень свежо, слог красивый. А прежде всего – они умело сбалансированы. По правде говоря, я первым делом обращаю внимание на баланс. Будь то музыка, роман или картины. Когда мне попадают плохо сбалансированные произведения или исполнение, иными словами – вещи незаконченные, низкосортные, у меня ужасно портится настроение. Меня словно укачивает. Пожалуй, именно поэтому я не хожу на концерты и почти не читаю романов.

– Не хочется наткнуться на вещи с плохим балансом?

– Уер.

– И не читаешь романы и не ходишь на концерты, чтобы риска избежать?

– Именно.

– Но это же крайность.

– По гороскопу я Весы. Я не терплю дисбаланса. Не терплю или... как это сказать...– Она умолкла, подыс-

кивая подходящее слово. Но так и не нашла, лишь неуверенно вздохнула.— Ладно. Мне кажется, тебе следует написать солидный роман — и тогда ты прославишься по-настоящему. Конечно, со временем.

— Я, по сути, могу только рассказы. Романы — не мое,— сухо сказал Дзюмпэй.

— И все же.

Дзюмпэй ничего на это не ответил — только молча прислушивался к шороху кондиционера. Вообще-то он уже несколько раз принимался за роман, но всякий раз откладывал. Никак не мог сосредоточиться надолго. С первых же страниц у него было ощущение, что из-под пера выходит нечто прекрасное. Текст получался живым, и будущее, казалось, уже у него в кармане. Естественно вырисовывалась богатая сюжетными линиями фабула. Но по мере продвижения этот напор и этот блеск постепенно, однако очевидно иссякали, сужались и вскоре исчезали полностью. Так останавливается теряющий скорость локомотив.

Они лежали в постели. На улице осень. Оба нагие после долгого и проникновенного секса. Кириэ прижималась плечом к его руке. На тумбочке рядом стояли два бокала с белым вином.

— Слышь?

— А?

— У тебя же есть еще любимая женщина? Которую

ты никак не можешь забыть?

– Есть,– подтвердил он.– А что, по мне видно?

– Конечно,– ответила она.– Женщины это чувствуют.

– Все, что ли?

– Я не говорю за всех женщин.

– А-а.

– Но встречаться с ней ты не можешь, да?

– Есть обстоятельства.

– А возможности их устранить – никакой? Дзюмпэй отрывисто качнул головой.

– Нет.

– Что, сложные?

– Сложные или нет, я не знаю. Но как бы там ни было – обстоятельства.

Кириэ отпила вина.

– А у меня такого человека нет,– произнесла она, словно бы сама себе.– И ты мне очень нравишься. Ты завладел моим сердцем. Когда мы вместе, знаешь, меня охватывают счастье и спокойствие. Но всегда быть с тобой мне не хочется. Ну как, успокоила?

Пальцы Дзюмпэя гладили ее волосы. Вместо ответа он задал свой вопрос:

– Это почему?

– Почему я не собираюсь всегда быть с тобой?

– Да.

– Интересно?

– Самую малость, – съязвил он.

– Завязывать с кем-то постоянные отношения я не могу. Причем не только с тобой – ни с кем, – сказала она. – Мне нужна полная сосредоточенность на том, что я сейчас делаю. Боюсь, перестанет получаться, начни я с кем-то жить и проникнись чувствами к этому человеку. Поэтому лучше пусть все остается как есть.

Дзюмпэй на мгновение задумался.

– Иными словами, ты избегаешь сердечной привязанности?

– Да.

– Случись такое, нарушится баланс – и это станет серьезной помехой твоей карьере.

– Именно.

– И чтобы избежать такого риска, ты ни с кем вместе не живешь.

Она кивнула.

– Во всяком случае, пока работаю по этой специальности.

– И все же... что у тебя за работа? По-прежнему не хочешь говорить?

– Угадывай.

– Воровка? – спросил Дзюмпэй.

– Но – серьезно ответила она. Но взгляд у нее повеселел. – Версия заманчивая, но воры не работают

спозаранку.

– Наемный убийца?

– Тогда уж наемная убилица, – поправила она. – В любом случае – по. Чего это тебе лезет в голову одна жуть?

– Твоя работа – в рамках закона, так?

– Так, – ответила она, – в самых что ни на есть рамках.

– Тайный сыщик?

– Но – сказала она. – На сегодня об этом хватит. Лучше расскажи о своей работе. Что ты сейчас пишешь, например? Ты ведь что-то пишешь?

– Пишу. Рассказ.

– И о чем?

– Не могу закончить. Я взял передышку, а дальше ни с места.

– Если не трудно, расскажи хотя бы до места.

Дзюмпэй умолк. Он взял себе за правило не распространяться о незаконченных работах. Чтобы не сглазили. Стоит лишь обмолвиться – и нечто улетучивается, как утренняя роса. Утрачивается оттенок смысла, меняется фон декораций. Тайна перестанет быть тайной. Однако, перебирая сейчас короткие волосы Кириэ, он подумал, что эту женщину, пожалуй, в тайну посвятить можно. Все равно его как заклинило – за последние дни он не продвинулся ни на шаг.

– Там все от третьего лица. Главный герой – женщина где-то за тридцать, – начал он. – Известный терапевт, работает в крупной больнице. Не замужем, но тайно встречается с женатым хирургом из той же больницы. Ему около пятидесяти.

Кириэ попыталась представить героиню.

– Симпатичная?

– Вполне, – сказал Дзюмпэй, – но до тебя далеко.

Кириэ улыбнулась и поцеловала Дзюмпэя в шею.

– Честно?

– В моих принципах отвечать честно, когда нужно.

– Особенно в постели.

– Особенно в постели, – подтвердил он. – Взяв отпуск, она едет в путешествие. Время года – примерно как сейчас. Остановившись в маленькой гостинице, бродит вдоль реки, которая течет по этой горной долине. Она любит наблюдать за птицами. Больше всего ей нравится следить за зимородками. Прогуливаясь по берегу реки, она видит камень причудливой формы. Черный с красными прожилками. Очень гладкий и по виду – до боли знакомый. Она сразу понимает, на что он похож. На почку. Еще бы, специалист. И размером, и расцветкой – вылитая почка.

– Она подбирает камень и уносит с собой.

– Да, – сказал Дзюмпэй. – Привозит этот камень к себе в больницу, чтобы использовать как пресс-папье.

– И под стать самой больнице.

– Именно, – сказал Дзюмпэй. – Но через несколько дней она замечает одну странность.

Кириэ молча ждала продолжения. А Дзюмпэй, точно дразня ее, держал паузу. Как бы ненароком, хотя, по правде говоря, дальше он еще просто не придумал. Развитие фабулы в этой точке застопорилось. И вот, на распутье, без ориентиров, осматриваясь по сторонам, Дзюмпэй изо всех сил напряг воображение...

– Каждое утро камень оказывался в другом месте. Покидая кабинет, врач оставляла его на столе, всегда на одном месте. Аккуратистка, что тут скажешь. А наутро камень мог лежать на сиденье вращающегося кресла, в другой раз – рядом с вазой. Или вообще скатывался на пол. Сначала врач думала, что это ей кажется. Затем заподозрила у себя нарушения памяти. Дверь заперта на замок, внутрь заходить никто не должен. Разумеется, ключ есть у охранника. Но он работает давно и в чужие кабинеты самовольно не ходит. К тому же какой смысл каждый вечер проникать в ее кабинет, чтобы передвинуть камень, заменяющий пресс-папье? С другими вещами же там ничего не происходит: никуда не пропадают, их никто не трогает. И только камень скачет. И вот она в растерянности. Как ты думаешь, почему этот камень перемеща-

ется по ночам?

– У этого перекасти-камня есть намерения, – не задумываясь, ответила Кириэ.

– Что же это за намерения?

– Перекасти-камень хочет ее разбередить. Понемногу, неспешно – но разбередить. В этом и есть его намерение.

– А зачем это ему нужно?

– Ну-у, – протянула Кириэ и прыснула. – Врачом владеет воля валуна...

– А без шуток? – рассерженно прервал ее Дзюмпэй.

– Разве это не тебе решать? Ты же писатель. А я – нет. Я просто слушатель.

Дзюмпэй насупился. От напряжения ныло где-то в висках. Может, просто вина перебрал.

– Не получается собрать мысли воедино. У меня же как: пока не сяду за стол, не начну писать, облекая эти мысли в текст, сюжет не двинется. Подождешь немного? Пока мы разговаривали, я понял, что смогу писать дальше.

– Хорошо, – ответила Кириэ. Протянув руку, взяла бокал и отпила глоток белого вина. – Я подожду. Но это... интересная история у тебя. Очень хочется узнать, что станется с перекасти-камнем.

И она прижалась грудью к боку Дзюмпэя.

– Послушай, Дзюмпэй, у всех вещей в этом мире

есть намерения,— тихо сказала она, словно открывая тайну.

Но Дзюмпэй уже засыпал. Ответить он был не в силах. Ее слова, теряя в ночном воздухе форму речи и примешиваясь к легкому аромату вина, тем не менее украдкой добивались до глубин его сознания.

— Например, у ветра. Мы живем, не обращая на ветер внимания. Но однажды нас вынуждают. Ветер с определенным умыслом обхватывает тебя и пытается разбередить. Ветер знает все, что у тебя внутри. Причем не только ветер. Всё. И даже камень. Они нас прекрасно знают. Вдоль и поперек. И вот приходит время, когда мы об этом догадываемся. Нам остается лишь вместе с этим жить. Приняв это, мы становимся глубже.

Пять последующих дней Дзюмпэй, почти не выходя на улицу, провел за столом — писал дальше рассказ о перекати-камне. Как Кириэ и угадала, камень в форме почки продолжал «бередить» женщину. Понемногу, неспешно и при этом — наверняка. При торопливых встречах с любовником — вечерами в безликих номерах городских гостиниц — она, положив руки на спину партнера, пыталась нащупать пальцами форму почек. Она знала, что ее перекати-камень прячется где-то там, внутри. Эта почка — тайный осведомитель, погруженный ею в тело любовника. Под пальцами почка

копошится, как насекомое. И шлет ей почечное сообщение. А она общается с почкой, ведет с ней диалог. Чувствует ладонью ее тепло.

Постепенно врач привыкает к тому, что черный камень в форме почки меняет место каждую ночь. Теперь это для нее вполне естественно. Куда бы ни перебрался камень за ночь, ее это не удивляет. Приходя в больницу, она его отыскивает и, подобрав, возвращает на стол. У нее это входит в привычку. Пока она в кабинете – камень неподвижен. Спит себе на одном месте, словно кошка на солнышке. Однако, стоит врачу уйти, закрыв дверь на замок, он просыпается и движется с места на место.

Иногда в свободную минуту она протягивает руку и нежно гладит его гладкую черноту. И уже не может отвести от него взгляда. Словно под гипнозом. Со временем врач перестает интересоваться чем-либо иным. Не может читать книги, перестает ходить в спортзал. С трудом соображает на приеме больных, да и в остальное время мысли ее вялы и мимолетны. Разговаривать с коллегами ей скучно. Она перестает следить за собой, теряет аппетит. Даже объятия любовника теперь ей в тягость. Когда рядом никого нет, она тихо заговаривает с камнем, прислушивается к его безмолвным ответам. Как одинокие люди беседуют с собаками или кошкам. Этот черный камень

в форме почки теперь овладел ее жизнью почти что полностью.

Камень вряд ли объявился извне, стало понятно Дзюмпэю. Главное – нечто в ней самой. Оно и вызвало к жизни черный камень в форме почки. Это оно требует от нее принятия каких-то решений. Шлет сигналы. В виде еженощных передвижений.

Работая над рассказом, Дзюмпэй думал о Кириэ. Она (или что-то внутри нее) подталкивает историю вперед, он это чувствует. Но почему? Изначально он же не собирался писать такой оторванный от реальности рассказ. В голове у него витали неопределенные мысли о более спокойной сюжетной линии – о чем-нибудь в духе психологических новелл. Там камень не менял места самовольно.

Сердце этой женщины-врача, пожалуй, отдаляется от любовника-хирурга с женой и детьми, предположил Дзюмпэй. Или даже она его начинает ненавидеть. Возможно, неосознанно.

Едва общая картина вырисовалась, написать остальное оказалось делом техники. Под арии Малера, поставленные на автоповтор, Дзюмпэй быстро дописывал концовку рассказа. Раньше в таком темпе он не работал.

Она решается на разрыв с любовником-хирургом. Ставит его в известность, что больше не сможет с ним

встречаться. Он спрашивает, неужели им не о чем говорить. «Совершенно»,— отрезает она. Сев в выходной день на паром через Токийский залив, она бросает перекасти-камень с палубы в море. Каменная почка опускается на мрачное морское дно, поближе к центру Земли. Женщина решает начать жизнь с нуля. Ей кажется, что, раз она избавилась от камня, ей стало легче.

Однако назавтра она приходит в больницу, а камень поджидает ее на столе. Лежит на положенном месте. Черный, тяжелый, в форме почки.

Закончив работу, Дзюмпэй тут же позвонил Кириэ. Подумав, что ей, наверное, будет интересно прочесть готовый рассказ. Ведь в каком-то смысле именно она его вдохновила. Но Дзюмпэй не дозвонился. Автоответчик сообщил ему, что в настоящий момент связаться по, набранному номеру невозможно, и предложил перезвонить, проверив координаты абонента. Дзюмпэй перезванивал несколько раз, однако результат оказался прежним. Номер не отвечал. Вероятно, что-то случилось с ее мобильником, подумал он.

Дзюмпэй ждал ее звонка, стараясь не выходить из дома без особой надобности. Но так и не дождался.

Так прошел месяц, за ним миновали другой, третий. Пришла зима, вскоре наступил Новый год. Рассказ опубликовали в февральском номере журнала «Бун-

гэйси»*. В газетах печатали его рекламу с содержанием номера, и там значилось имя Дзюмпэя и заголовок «Перекасти-камень в форме почки». Увидев эту рекламу, Кириэ купит журнал, прочитает рассказ и позвонит, поделится впечатлениями. Дзюмпэй надеялся. Но ее молчание и отсутствие только наслаивались.

* «Бунгэйси» – ведущий японский еженедельник, основан в 1923 году.

Стоило ей исчезнуть из жизни, Дзюмпэю стало невыносимо тоскливо. Он даже представить раньше себе не мог, что такое возможно. Оставленная Кириэ пустота не давала ему покоя. По нескольку раз на день он думал: как было бы хорошо, окажись она сейчас рядом. С нежностью вспоминал ее улыбку, ее слова, ее прикосновения. Его не утешали ни любимая музыка, ни новые издания нравившихся ему писателей. Все вокруг казалось далеким и чуждым.

Значит, второй женщиной была Кириэ, думал Дзюмпэй.

Повторно судьба свела его с Кириэ вскоре после полудня, в самом начале весны. Даже не так. Не свела. Он услышал ее голос.

Дзюмпэй ехал в такси. Точнее, стоял в пробке. Молодой водитель слушал какую-то программу по FM. И Дзюмпэй услышал ее голос. Сначала уверенности у него не было: вроде похож, но и только. Однако чем

дольше слушал, тем сильнее убеждался, что это говорит Кириэ. Плавно, как-то очень расслабленно. С длинными паузами.

– Слушай, добавь громкости, – попросил Дзюмпэй водителя.

– Запросто, – ответил тот.

Передавали интервью из студии. Девушка-ведущая задавала вопросы.

– ...значит, вы с детства любили высоту?

– Да, – ответила Кириэ (или женщина с похожим голосом). – Сколько себя помню, мне всегда нравилось забираться куда-нибудь повыше. И чем выше, тем спокойней мне становилось. Постоянно просила родителей сводить меня на какой-нибудь небоскреб. Странный ребенок, правда? (Смеется.)

– И, как результат, вы занялись такой работой?

– Сначала я была кем-то вроде аналитика в компании по ценным бумагам. Но прекрасно понимала, что это не по мне. Года через три уволилась и первым делом занялась мытьем окон. По правде говоря, сначала хотела податься на стройку монтажницей, но там мир крутых мужиков, женщинам вход заказан. Поэтому стала подрабатывать мойщицей окон.

– Выходит, сменили профессию с аналитика по ценным бумагам на мойщицу окон.

– Сказать вам правду, мне это гораздо приятнее. В

отличие от акций, если кому и суждено упасть, только мне самой. (Смеется.)

– Мытье окон – это когда в гондоле спускаются с крыши?

– Да. Разумеется, мы пристегиваемся ремнями безопасности. Правда, иногда попадаются такие места, где приходится работать без страховки. Я относилась к этому спокойно. Как бы ни было высоко, мне несколько не страшно. Потому меня и ценили.

– Скалолазанием не увлекаетесь?

– Горы не в моем вкусе. Предлагали, пробовала, но ничего не вышло. Не увлекли меня горы своей высотой. Меня интересуют только отвесные стены высотных зданий. Почему – сама не знаю.

– Сейчас вы управляете фирмой, которая специализируется на мытье окон высотных зданий в Токио.

– Да, – ответила она. – На скопленные средства шесть лет назад я основала маленькую фирму и начала работать самостоятельно. Разумеется, работаю и сама, но при этом я еще и директор. Никаких приказов сверху, могу сама устанавливать правила. Удобно.

– Когда вздумается, отстегиваете ремень безопасности?

– Легко! – (Смеется.)

– Вам он что, не нравится?

– Да, такое ощущение, будто это не я. Словно на-

пяливаешь на себя лязгающий корсет.– (Смеется.)

– То есть вам просто нравится высота?

– Да, работа на высоте – мое призвание. Иного занятия для себя я даже не представляю. Профессия изначально должна быть актом любви. И никак не браком по расчету.

– А сейчас – музыка. Звучит композиция Джеймса Тейлора «На самой крыше»,– объявила ведущая,– после которой мы вернемся к разговору о канатоходцах.

Когда заиграла музыка, Дзюмпэй подался к водителю и спросил:

– Так чем она, собственно, занимается?

– Говорят, натягивает канат между высотными зданиями и переходит от одного к другому,– пояснил водитель.– А в руках держит длинный шест для баланса. Как ее там... трюкачка. Вот у меня боязнь высоты, как ее там... акрофобия. Страшно даже в лифтах со стеклянными стенами. Из любопытства она, что ли? Хотя странная такая. Вроде уже не молодая.

– И это – профессия? – спросил Дзюмпэй, заметив, что голос сорвался, стал каким-то несолидным. Словно чужой, будто раздался из щели в потолке.

– Да, похоже, нашла себе спонсоров и занимается. По ее словам, недавно делала это на этом... каком-то известном кафедральном соборе в Германии, в об-

щем. Говорит, хочет делать это на зданиях повыше – на небоскребах, только власти не дают разрешения. На такой высоте страховочная сетка уже не спасет. Поэтому, говорит, шаг за шагом, накапливая опыт, намерена бросать вызов местам повыше. Правда, хождением по канату не прокормишься, поэтому обычно, говорит, она управляет фирмой по мытью окон. То же хождение по канату, только работать в цирке она не хочет. Говорит, интересуют только высотные здания. Вот странная.

– Прекраснее всего то, что, когда ты наверху, человеческое «я» меняется, – сказала она интервьюеру, – или даже так: невозможно выживать без перемен.

Поднимаясь ввысь, я понимаю, что там – лишь ветер да я. И больше ничего. Ветер окутывает меня и тормозит. Ветер меня понимает. И я понимаю ветер. Мы принимаем друг друга и решаем жить вместе. Я и ветер – и нет места ничему другому. Мне нравятся такие мгновения. Нет, мне совсем не страшно. Стоит единожды ступить на высоту, целиком и полностью сосредоточиться – и страх отступает. Мы оказываемся в тесной пустоте. И мне такие мгновенья нравятся больше всего на свете.

Дзюмпэй не знал, поняла ли журналистка слова Кириэ. Но как бы там ни было, Кириэ говорила искренне и просто. Когда интервью закончилось, он остано-

вил такси и вышел. Дальше пошел пешком. Иногда поднимал голову и смотрел на высотные здания, плывущие облака. Он понял: никто не сумеет оказаться между ней и ветром. И почувствовал укол ревности. Но к чему, скажите на милость, эта ревность? К ветру? Ну кто, скажите на милость, будет ревновать к ветру?

Несколько месяцев Дзюмпэй ждал звонка от Кириэ. При встрече хотел о многом с ней поговорить. В том числе и о камне в форме почки. Но она не позволила. Номер ее мобильного так и оставался «недоступным». А когда пришло лето, Дзюмпэй отказался от иллюзии. Кириэ больше не собирается с ним видеться. Да, их отношения тихо закончились – без каких-либо ссор и заверений. Именно так, если вдуматься, как долгое время поступал с другими женщинами сам Дзюмпэй. В некий момент перестает звонить телефон. И все, таким образом, умирает тихо и естественно.

Должен ли он добавить ее в отцовский отчет? Была ли она одной из тех трех женщин, что имели для него смысл? Дзюмпэя долго мучил этот вопрос. Однако ни к какому выводу он не пришел. А решил подождать еще полгода.

За это время он сосредоточенно написал довольно много рассказов. И, шлифуя за столом тексты, всякий раз представлял, как Кириэ в тот миг где-то на высоте,

вместе с ветром.

Пока я вот так за столом, в одиночестве пишу рассказы, она, как мало кто на свете, на высоте представлена самой себе. Отстегнув страховку. Стоит единжды целиком и полностью сосредоточиться – и страха нет. «Есть только ветер да я». Дзюмпэй часто вспоминал ее слова.

И постепенно заметил, что проникся к Кириэ неким особенным чувством – до сих пор такого не было ни с одной другой женщиной. У чувства была форма, четкие контуры. Оно было готово к ответу и уходило куда-то вглубь. Дзюмпэй пока не знал, какое имя ему дать. Но его, по крайней мере, невозможно было поменять ни на что другое. Пусть он больше не увидится с Кириэ, чувство это навсегда останется в сердце – или же где-то «в мозге костей». Пожалуй, где-то в собственной глубине он всегда будет ощущать утрату Кириэ.

К концу года Дзюмпэй решился. Пусть она будет второй. Кириэ – она же действительно имела для него смысл. Второй удар. Осталась лишь одна попытка. Однако страха внутри уже нет. Главное не количество. В отцовском отсчете нет никакого толку. Главное – желание принять кого-то целиком и полностью, понял он. Именно оно должно быть первым. И единственным.

Тогда же со стола женщины-врача исчез камень в форме почки. Однажды утром она просто заметила, что его больше нет. И камень уже не появится. Она это знает.

Обезьяна из Синагавы

Иногда она никак не могла вспомнить свое имя. Если кто-нибудь невзначай спрашивал, как ее зовут. Например, если она покупала в бутике платье и следовало ушить рукава, а продавец интересовался: «Позвольте узнать ваше имя?» Или в конце какого-нибудь долгого телефонного разговора на работе переспрашивали. В такой момент память давала сбой. Она вдруг не знала, кто она. Чтобы вспомнить имя, приходилось доставать кошелек и смотреть на водительские права. Собеседник обычно очень удивлялся. Или возникало недоумение на том конце провода, если затягивалась пауза.

Когда она представлялась сама, такого рода казусов не возникало. Настроившись, собственную память она контролировала без проблем. Но стоило собеседнику застать ее врасплох, если случалась какая-нибудь суета или она теряла бдительность, в голове становилось пусто, будто с глухим ударом отключался рубильник. Имя никак не всплывало. И чем сильнее она пыталась вспомнить, тем сильнее ее засасывало в аморфную пустоту.

Причем не могла она вспомнить только свое имя. Чужих не забывала. Как и свой адрес, номер телефо-

на, день рождения и номер паспорта. Могла по памяти назвать номера близких друзей и важные рабочие контакты. Раньше на память она никогда не жаловалась. И вдруг – стала забывать свое имя. Началось примерно год назад, но прежде ничего подобного она за собой не замечала.

Ее имя – Мидзуки Андо. В девичестве ее звали Мидзуки Оосава. Ни то ни другое имя не отличалось оригинальностью. Как, впрочем, и ничем другим. Однако имя же не может выпасть из памяти только поэтому, просто затеряться в какой-нибудь рутине. Это же твое собственное имя.

Мидзуки Андо она стала три года назад, весной. Вышла замуж за человека по имени Такаси Андо, и в результате ее стали звать Мидзуки Андо. Первое время она никак не могла привыкнуть к новому звучанию. И начертание, и произношение казались ей какими-то неудачными. Однако, неоднократно проговаривая имя вслух, раз за разом подписывая им документы, она постепенно перестала его презирать. Например, вполне могло случиться так, что имя и фамилия стали бы «маслом масляным»: «Мидзуки Мидзуки», или чем-нибудь вроде «Мидзуки Мики» (за ней ухаживал парень по фамилии Мики, хоть и недолго). «Мидзуки Андо» по сравнению с таким она считала куда благозвучнее. Постепенно она стала восприни-

мать новое имя как свое собственное.

Однако с прошлого года это имя внезапно начало от нее «сбегать». Сперва такое бывало раз в месяц, потом – все чаще и чаще. И теперь бывало как минимум раз в неделю. Стоило имени Мидзуки Андо «сбежать», как она оставалась в этом мире никем – безымянной женщиной. Хорошо, если под рукой кошелек. Достаточно его вынуть, посмотреть права и вспомнить. Но вдруг кошелек потеряется? Глядишь, тогда и не узнаешь, кто ты и откуда. Разумеется, лишившись на время имени, сама она не пропадет: адрес и номер телефона помнит, сознание не обнулится. Ну и конечно, это совсем не та полная потеря памяти, какую иногда показывают в кино. Но если не можешь вспомнить свое имя, становится крайне неудобно и тревожно. Жизнь без имени – будто некий сон, потерявший след к пробуждению.

Она пошла в ювелирный магазин и купила простенький тонкий браслет из серебра, на котором выгравировала имя. Собственное имя: «Мидзуки Андо (Оосава)». Без адреса и номера телефона. Только имя. Как кличка у кошки или собаки, с иронией подумала она. Выходя из дому, она непременно этот браслет надевала. Когда не можешь вспомнить собственное имя, достаточно вскользь кинуть на него взгляд. И не будет нужды доставать кошелек. Не будут удив-

ляться собеседники.

Мужу говорить об этой своей проблеме она не стала. Узнав, он наверняка отпустит какую-нибудь колкость: «Может, потому, что супружеская жизнь тебе в тягость?» Он такой – любит изречь что-нибудь эдакое. Не со зла – просто обычно он все без разбору тут же препарировал сообразно какой-то логике. Ей самой было сложно судить о вещах на такой манер. К тому же за словом в карман она не лезла и не могла позволить так просто себя переспорить. Поэтому в такие минуты предпочитала молчать.

Что бы он ни сказал, наверняка будет мимо цели, считала она. Супружеская жизнь ей не в тягость, к мужу – хотя порой его заумность и надоедает – претензий, в принципе, нет, родители мужа – люди приятные. У свекра врачебная практика в городке Саката, что в префектуре Ямагата. Милые люди, в общем. Возможно, у них несколько отсталые взгляды на жизнь, но муж – второй сын, поэтому на нем это никак не отразится: по стопам отца ему идти не придется. Сама же она родом из Нагой, поэтому пришлось терпеть зимние холода и сильные ветра Северной Сакаты, но один-два раза в год туда можно было ненадолго съездить. Через два года совместной жизни они с мужем взяли кредит и купили новую квартиру на Синагаве. Мужу сейчас тридцать, трудится в лаборатории фар-

мацевтической компании. Ей – двадцать шесть, работает в салоне «Хонды» в районе Оота. Отвечает на телефонные звонки, а когда приходят клиенты, предлагает присесть на диван и приносит кофе или зеленый чай. Потребуются копии – что-то копирует, хранит документы, следит за списком клиентов в компьютере.

Окончив в Токио женский институт, она по рекомендации дядюшки – одного из руководителей «Хонды» – стала работать в этом салоне. Захватывающей ее работу не назовешь, но должность все равно ответственная к тому же не без стимулов. То есть сама она, конечно, машины не продает, но ответить на любой вопрос сумеет, если рядом не будет свободного менеджера по продажам. Перенимая их манеру обращаться с клиентами, она, естественно, познавала тонкости коммерции, обретала профессиональные навыки. Со временем уже могла увлеченно объяснить тонкости совсем не свойственного минивэнам управления «одиссеем». По памяти могла назвать расход топлива каждой модели. Была неплохим рассказчиком, умела с очаровательной улыбкой рассеять сомнения клиентов. Чувствовала характер человека, могла гибко изменить тактику общения. Несколько раз реально подводила дело к контракту – вот только, к ее немалому сожалению, в последний момент приходилось

уступать переговоры специалисту. Прав делать клиенту скидку, определять цену подержанной машины, добавлять опционный сервис у нее, конечно, не было. Даже если она сама фактически проводила переговоры, в конечном итоге появлялся менеджер по продажам и записывал комиссию на свой счет. А ее усилия в лучшем случае компенсировались приглашением на ужин за счет кого-либо из счастливцев.

Иногда она размышляла, насколько больше покупали бы машин и как увеличилась бы выручка их салона в целом, если бы ей доверили продажи. Стоит взяться за дело всерьез – и она сможет работать в два раза лучше, чем едва выпорхнувшие из институтов щеглы. Однако никто ей не сказал: «А в тебе есть коммерческая жилка. Непростительная трата сил и времени – лишь возиться с документами да отвечать на звонки. Как насчет того, чтобы перейти в коммерческий отдел?» В этом – суть системы, именуемой «компанией». Торговля – торговлей, контора – конторой. Единожды сложившиеся рамки служебных обязанностей, за редким исключением, неизменны. К тому же она сама не горела желанием расширять сферу своих обязанностей и амбициозно строить карьеру. Ее вполне устраивало выполнять определенную работу .с девяти до пяти, брать без остатка положенный отпуск и наслаждаться личной жизнью.

На работе она по-прежнему пользовалась девичьей фамилией. По большей части из-за того, что ей не хотелось каждый раз объяснять всем знакомым клиентам и подрядчикам причину ее смены. И в визитках, и на именной бирке, и в карточке учета времени значилось: «Мидзуки Оосава». К ней обращались кто по фамилии, кто по имени, уважительно или по-свойски. Отвечая на звонки, она чеканила: «Оосава из салона “N” “Хонда Примо” слушает». Но не потому, что отвергала имя Мидзуки Андо. Ей просто было лень кому-то что-то объяснять.

Муж об этом знал (иногда звонил ей на работу), но особых претензий не предъявлял. Похоже, он считал личным вопросом удобства, какую фамилию ей использовать на рабочем месте. Когда есть резон – зачем придираться? В этом смысле с ним было, пожалуй, легко.

Подумав, что такого рода забывчивость – возможно, симптом какой-нибудь серьезной болезни, она не на шутку забеспокоилась. А вдруг это Альцгеймер? Опять-таки, в мире полно малоизвестных смертельных заболеваний, которые сразу на ум и не приходят. Например, до недавних пор она понятия не имела о существовании таких тяжелых недугов, как болезнь Хантингтона или миастения. И кроме них в мире, должно быть, немало специфических заболеваний, о

которых она и не слыхивала. И в большинстве случаев первые симптомы крайне незначительны. Странны, однако пустячны: например, не можешь вспомнить собственное имя... Стоит об этом задуматься, и от беспокойства становится невыносимо: ведь где-то в глубине собственного тела медленно, необратимо расширяется очаг какого-то заболевания.

Мидзуки пошла в больницу и пожаловалась. Однако молодой врач, который нездоровой бледностью лица сам больше походил на больного, не воспринял ее жалобу всерьез.

– Забываете что-нибудь, кроме имени? – спросил он.

– Нет. До сих пор не могла вспомнить только свое имя.

– Что ж, это, пожалуй, из области психиатрии, – сказал врач тоном, лишенным какого-либо участия и сочувствия. – Появятся симптомы повседневной забывчивости чего-либо, помимо собственного имени, – тогда и приходите – попробуем сделать специализированное обследование.

Будто бы хотел сказать: «К нам обращается достаточно пациентов с куда более тяжкими заболеваниями, и ради них нам приходится здесь крутиться целыми днями. Подумаешь, иногда не может вспомнить свое имя. Что тут такого?»

Однажды она разглядывала доставленный вместе с прочей корреспонденцией рекламный бюллетень района Синагава, и ее взгляд остановился на заметке об открытии в районной мэрии* кабинета психологических консультаций. Заметка была такая коротенькая, что в другой раз она бы и внимания не обратила. «За умеренную плату раз в неделю специалист-консультант проводит персональное собеседование. Лица старше 18 лет, проживающие в районе Синагава,— без ограничений. Конфиденциальность персональных данных гарантируется». В тот момент было трудно судить, насколько ей пригодится консультация районного уровня, но попытка не пытка. Если попробую туда сходить, ровным счетом ничего не потеряю, подумала Мидзуки. У автодилеров выходных в конце недели не бывает, зато сравнительно несложно взять отгул в будний день и подстроиться под установленное мэрией расписание работы кабинета. Людям, работающим как все, попасть туда, впрочем, было нереально.

* В состав Большого Токио входят 23 района, приравненных по статусу к городам.

Требовалось записываться заранее, и она позвонила. Стоила услуга две тысячи иен за полчаса, что было ей вполне по карману. Прием назначили на среду в час дня.

Когда она пришла в кабинет психологических консультаций, расположенный на третьем этаже мэрии, оказалось, что в тот день желающих, кроме нее, нет.

– Программа психологической помощи начата в спешном порядке, и о ней еще мало кто знает, – сказала женщина в справочном бюро. – Когда узнают, народу, пожалуй, прибавится. А сейчас почти никого, вам повезло.

Консультантом оказалась миловидная женщина-пышка – невысокого роста, лет пятидесяти, по имени Тэцуко Сакаки. Волосы русые, крашенные, приятная улыбка на широком лице. Удобная обувь на плоской подошве, светлый летний костюм, под ним – шелковая блузка. Из бижутерии – ожерелье под жемчуг. Она больше походила на заботливую соседскую тетушку-болтушку, чем на консультанта.

– Дело в том, что в этой мэрии начальником отдела гражданского строительства работает мой муж, – для начала любезно объяснила она. – Поэтому удалось как бы под эгидой мэрии открыть эту консультацию для населения. Вы наш первый посетитель, так что не обессудьте. Сегодня никто больше не придет, время у меня есть, поэтому мы можем поговорить без спешки.

– Очень хорошо, – ответила Мидзуки, но в душу закралось сомнение: «А будет ли от нее толк?»

– У меня есть и диплом, и богатый опыт, насчет этого не беспокойтесь,– продолжала консультант.– Можете считать себя пассажиром океанского лайнера.– И она улыбнулась, словно услышав внутренний голос Мидзуки.

Тэцуко Сакаки уселась за металлический офисный стол, Мидзуки расположилась на двухместном диване – таком старом, будто его вытащили из какого-то чулана. Продавленные пружины скрипнули, от пыли зачесалось в носу.

– Софа подошла бы для бесед куда лучше, но другого пока нет. Что поделать, администрация. За что ни возьмись – куча формальностей, не все так просто. Кому же понравится... такое место. К следующему разу подберу что-нибудь попримочнее, а сегодня потерпите, ладно?

Пока Мидзуки, водрузившись на антикварный диван, рассказывала о своей напасти, Тэцуко Сакаки лишь молча кивала. Не задавая вопросов, не удивляясь. Даже почти не поддакивала. Слушала увлеченно, а иногда лицо ее становилось задумчивым. При этом она мягко улыбалась – как весенний месяц на закате.

– Браслет с гравировкой – это была хорошая мысль.– Вот первое, что услышала Мидзуки, окончив рассказ.– Ваши действия вполне адекватны. Прежде всего – по возможности сократить до минимума

неудобства. Это очень важно. Не нервничать, не забивать голову лишним, не заикливаться, а реально бороться с неприятностями. И выглядит ваш браслет вполне симпатично, он вам идет.

– Скажите, а подобная забывчивость не может привести к более серьезному заболеванию? – поинтересовалась Мидзуки.

– Как вам сказать... Думаю, у вас это вряд ли начальные симптомы болезни, – ответила консультант. – Однако, если, как вы говорите, за последний год явление прогрессировало, невольно задумаешься. Действительно, не исключено, что это может послужить толчком к проявлению других симптомов или же области потери памяти будут расширяться... Поэтому я считаю, что сейчас нам лучше всего неспешно побеседовать, чтобы по возможности это установить. К тому же вы работаете с людьми, и такая забывчивость наверняка доставляет массу неудобств.

Консультант прежде всего задала несколько общих вопросов о жизни Мидзуки. Сколько лет замужем?

Какого рода вообще у нее работа? Как со здоровьем? Поспрашивала о детстве. О семье, о школьных годах: что было на уроках интересно, что нет. Что выходило хорошо, а что не особо получалось. Мидзуки отвечала на каждый вопрос как можно правдивее, быстро и точно.

Воспитывалась она в обычной семье. Отец служил в крупной страховой компании. В роскоши не купались, но и затруднений с деньгами она не припоминает. У нее только родители и старшая сестра. Отец – очень серьезный человек, мать, если так можно сказать, дотошна и придирчива. Сестра – отличница, во всем стремилась быть первой, но, по мнению Мидзуки, была отчасти поверхностна и прагматична. Однако отношения в семье у них, в принципе, неплохие, общаться всегда им давалось без труда. Особых ссор никогда не возникало. Сама она росла ребенком скорее неприметным. Почти не болела, но и особым атлетизмом не отличалась. К своей внешности комплексов не испытывала, но красавицей ее тоже никто не называл. Считала себя не лишенной сообразительности, однако и какими-то особыми достижениями похвастать не могла. Успехи в школе – средние, но отыскать ее в журнале успеваемости можно было скорее в начале списка, чем в конце. В школе у нее было несколько подруг, которые затем повыскакивали замуж и разъехались кто куда. Прежние узы ослабли.

В нынешних супружеских отношениях поводов для каких-либо претензий у нее не возникало. В начале не обошлось без обычной притирки, но супруги все же наладили совместную жизнь. Муж, разумеется, не идеал (например, бывает чересчур заумный, нераз-

борчив в одежде), но и достоинств у него немало: заботливый, ответственный, опрятный, непривередлив к еде, где-то даже безропотный. Отношения с сослуживцами ровные. Уживается и с коллегами, и с начальством. Стрессам не подвержен. Конечно, временами неприятности возникают, но, если разобраться, люди работают в тесном пространстве, бок о бок днями напролет, тут уж ничего не поделаешь. Но отвечая на вопросы о своей прошлой и нынешней жизни, Мидзуки в который раз уже в сердцах подумала: «Что за серая и беспросветная жизнь!» Никакого драматизма. Говоря языком кино – низкобюджетное видео об окружающей среде, которое может лишь убаюкать зрителя. Бесперывно тянется блеклый пейзаж: ни монтажа, ни крупных планов. Ни всплесков, ни затихания, ни привлекательных эпизодов. Лишь иногда, словно очнувшись, камера чуть меняет угол съемки. Понятно, что у консультанта работа такая, но серьезно выслушивать подобные душеизлияния... Ей стало жаль эту терпеливую женщину. Неужели ей это все интересно? Только что не зевает. Если бы мне пришлось бесконечно выслушивать такое каждый день, на полуслове померла бы со скуки.

Но Тэцуко Сакаки с интересом слушала Мидзуки, что-то пометая в блокноте. Временами задавала уточняющие вопросы, но в основном старалась избе-

гать каких бы то ни было реплик. Но даже когда открывала рот, в ее спокойном голосе чувствовалась искренняя заинтересованность. Ни малейшего оттенка скуки или раздражения. И от одного этого голоса Мидзуки становилось удивительно спокойно на сердце. «Если задуматься, никто никогда не слушал меня настолько всерьез». В конце собеседования, длившегося больше часа, возникло ощущение, что бремя беспокойства стало легче.

– Ну что, госпожа Андо, сможете прийти и в следующую среду в это же время? – улыбнувшись, спросила Тэцуко Сакаки.

– Прийти-то я смогу, – ответила Мидзуки. – А что, можно?

– Конечно. Если вы сами не против. Тут дело такое, сами понимаете: в подобных ситуациях необходимо говорить и говорить, чтобы сдвинуться с мертвой точки. Это вам не радиопрограмма «Консультации на жизненные темы», тут после уместного ответа не закончишь фразой: «Ну, на этом все. Желаю вам успехов». Возможно, потребуется время, но давайте не будем торопиться. Мы же из одного района.

– Так вот, не припоминаете ли вы какого-нибудь события, связанного с именем? – спросила Тэцуко Сакаки в самом начале второй консультации. – С вашим, или же именем другого человека, или с кличкой до-

машного животного, или с названием местности, где приходилось бывать? С прозвищем, с чем угодно... Может, что-то осталось в памяти?

– По поводу имени?

– Да. Имени, прозвища, подписи, обращения... пусть даже совсем пустяк. Любая мелочь, лишь бы касалась имен. Попробуйте вспомнить.

Мидзуки задумалась.

– Никаких особенных ассоциаций, связанных с именами, у меня вроде нет, – растерянно сказала она. –

По крайней мере, сразу в голову ничего не приходит. Хотя... вот разве что... про бирку.

– Хорошо, пусть про бирку. Я слушаю.

– Правда, не про мою, – сказала Мидзуки. – Бирка была другого человека.

– Ничего страшного. Рассказывайте.

– Как я вам уже говорила на прошлой неделе, я училась в одном частном женском заведении – в средней и старшей школе. Это было в Иокогаме, а мои родители жили в Нагое*. Поэтому я поселилась в общежитии на территории кампуса. На выходные ездила домой. Садилась в пятницу вечером на синкансэн, а в воскресенье вечером возвращалась обратно. Из Иокогамы до Нагой всего два часа, поэтому мне это было не в тягость.

Консультант кивнула.

* Расстояние между городами – около 340 км.

– А разве в Нагое мало хороших частных школ?
спросила она.– Почему именно в Иокогаму? Специально, чтобы не жить вместе с родителями?

– То была школа моей матери. Мама ее очень любила и мечтала, чтобы одна из дочерей ее окончила. Я и сама была не прочь пожить отдельно от родителей. Школа хоть и миссионерская, но вполне либеральная. Там я близко подружилась с некоторыми девочками. Все они были не местные. Как выяснилось, почти у всех, как и у меня, эту школу заканчивали матери. В целом я провела там шесть вполне беззаботных лет. За исключением, разве что, ежедневной стряпни.

Консультант улыбнулась.

– Кажется, вы упоминали о старшей сестре?

– Да, на два года старше.

– И сестра ваша в ту школу не пошла.

– Нет, она училась в местной. И все это время, разумеется, находилась при родителях. Она не из тех, кто стремится попасть на люди. К тому же с детства росла слабенькой... Поэтому мама хотела, чтобы в ту школу поступила я, младшая. Я, в принципе, на здоровье не жаловалась, да и стремления к самостоятельности у меня было больше, чем у сестры. Когда я заканчивала начальную школу, меня спросили, не хотела бы я

поехать в Иокогаму. Я и ответила, что не против. К тому же еженедельные поездки домой на син-кансэне мне тогда казались очень увлекательными.

– Извините, что я вас перебила,– улыбнулась консультант.– Пожалуйста, продолжайте.

– В общежитии все жили по двое в комнате. Однако в выпускном классе была особая привилегия – селили по одному. И вот я тогда как раз жила одна. К тому же я была председателем студкома общежития. У входа в общежитие висела доска для именных бирок – они были у всех нас. С лицевой стороны черным, с обратной – красным было написано имя. Уходя из общежития, мы должны были свою бирку переворачивать, а приходя – возвращать обратно. Таким образом, черный цвет означал, что хозяйка бирки-в общежитии, красный – что ее там нет. Если кто-то ночевал вне общежития или уезжал на каникулы, бирки снимали. Студентки дежурили на входе по очереди и, отвечая на звонки, могли понять, в общежитии человек или нет, лишь кинув один взгляд на эту доску. Очень удобно.

Консультант, поддерживая разговор, вставляла редкие реплики.

– Дело было в октябре. Перед ужином я готовилась к завтрашним урокам у себя, когда зашла второкурсница по имени Юко Мацунака. Все ее звали Юк-

ко. Бесспорно, она была первой красавицей нашего общежития. Белая кожа, длинные волосы, личико – ну прямо куколка. Родители у нее владели известной традиционной гостиницей в Канадзаве. Богатеи. Она училась на класс младше меня, поэтому никаких подробностей о ней я не знала, но поговаривали, что успевала она очень даже хорошо. Иными словами, сильно выделялась на фоне остальных. Немало девчонок из младших классов были прямо влюблены в нее. Но она не задавалась и не важничала. Как бы была тихоней, вообще закрытой такой девочкой. Вполне приятная, но порой я ловила себя на мысли, что не понимаю, что у нее в голове. Думаю, несмотря на всю эту популярность, по-настоящему близких подруг у нее не было.

Я сидела за столом, играло радио, когда в дверь тихонько постучали. Я открыла. Там одиноко стояла Юкко Мацунака. В тонком облегающем свитере и в джинсах.

– Я хотела бы немного поговорить. Ничего, если сейчас? – поинтересовалась она.

Я удивилась, но ответила:

– Ничего. Все равно занимаюсь пустяками, можно и поговорить.

Я до сих пор ни разу не беседовала один на один с Юкко и даже представить себе не могла, что она при-

дет ко мне в комнату просто поговорить. Предложила сесть и заварила пакетики черного чая кипятком из термоса.

– Тебе уже приходилось ревновать? – без предисловий спросила Юкко.

Вопрос застал меня врасплох. Я удивилась, однако, подумав, ответила:

– Думаю, что нет.

– Ни разу?

Я покачала головой.

– По крайней мере так сразу и не вспомнишь. Ревность? Например, из-за чего?

– Например, если человек, которого ты действительно любишь, полюбил кого-то другого. Или когда кому-то другому с легкостью досталось то, что ты очень мечтала заполучить. Или когда кому-то без особых усилий запросто удается то, чего очень хочешь добиться ты... вот такое.

– Пожалуй, у меня таких случаев не было, – ответила я. – А у тебя?

– Сколько угодно.

Услышав это, я просто онемела. Чего же нужно этой девочке? Писаная красавица, из богатой семьи, популярная персона. Родители в ней души не чают. Поговаривают, иногда по выходным ходит на свидания с симпатичным студентом. Что еще может желать чело-

век? Я никак не могла взять этого в толк.

– Ну, например, какие? – попробовала уточнить я.

– Мне бы не хотелось говорить об этом... если можно, – сказала Юкко, осторожно подбирая слова. – К тому же, мне кажется, нет смысла выкладывать здесь конкретные примеры. Просто мне давно хотелось спросить, приходилось ли тебе испытывать нечто вроде ревности.

– Давно спросить... об этом... у меня?

– Да.

Я ничего не поняла, но решила ответить откровенно.

– Такого рода опыта... пожалуй, не было, – призналась я. – Почему – не знаю, хотя это и может показаться странным. Суди сама: уверенности в себе у меня нет, получать все, что захочется, – не получаю. Наоборот, то там, то тут – сплошное недовольство. Но зависти из-за этого к другим у меня, если разобраться, не было. Интересно почему.

Юкко слегка улыбнулась.

– Мне кажется, ревность вряд ли имеет какое-то отношение к объективным условиям. В том смысле, что человек ревнует, потому что чем-то обделен. И наоборот. Это как опухоль на теле – самопроизвольно появляется в каком-то неведомом месте и, не поддаваясь какой-либо логике, бесцеремонно день за днем раз-

растается внутри. Хочешь не хочешь, а сдерживать ее бесполезно. Скажем, у несчастных опухоль образуется легко, а у счастливых не возникает вовсе... Так же не бывает? Вот и тут то же самое.

Я молча слушала Юкко. Такой длинный монолог был для нее явлением весьма редким.

– Человеку, не познавшему ревность, объяснить это очень трудно. Единственное, что тут можно сказать: жить изо дня в день с этим в душе – дело совершенно безрадостное. Как будто ходишь в обнимку с маленьким адом. Думаю, ты должна радоваться, если до сих пор не сталкивалась с этим чувством.

Сказав это, Юкко уставилась мне в лицо с какой-то смутной улыбкой. «И все-таки красивая девочка, – опять подумала я. – Стильная такая – и грудь у нее красивая. Я даже представить себе не могу, како-во жить таким красавицам. Все на нее смотрят. Гордится ли она этим? Радостно ей жить – или тревожно?»

Однако, к моему немалому изумлению, зависти к ней я не чувствовала.

– Я сейчас уезжаю к родителям, – сказала Юкко, не отводя взгляда от рук у себя на коленях. – У родственников несчастье. Мне нужно на похороны. Разрешение я уже получила. К утру понедельника должна успеть. Вот я и подумала – ты не поддержишь у себя

мою бирку?

С этими словами она вынула из кармана бирку и протянула мне. Я ничего не могла понять.

– Взять-то я могу, только зачем давать ее мне на хранение? Разве нельзя просто положить в ящик или еще куда-нибудь?

Юкко посмотрела на меня гораздо пристальнее, чем раньше, и я совсем растерялась.

– Если ты не против, я бы все-таки хотела попросить об этом тебя, – настойчиво произнесла она. – Меня кое-что беспокоит, поэтому я не хотела бы оставлять ее у себя в комнате.

– Хорошо, – согласилась я.

– Пока меня не будет, смотри, чтобы ее не унесла обезьяна, – предупредила Юкко.

– Мне кажется, в этой комнате обезьяны не водятся, – весело ответила я.

Шутить этой девочке было отнюдь не свойственно. Она вышла из комнаты, оставив только бирку, нетронутую чайную чашку и странную пустоту.

– В понедельник Юко Мацунака в общежитие не вернулась, – рассказывала консультанту Мидзуки. – Классный руководитель начал беспокоиться, позвонил ее родителям и узнал, что домой она не приезжала. Никто из родственников, разумеется, не умирал, похорон тоже никаких не было. Солгав, она куда-то

исчезла. Труп нашли в конце следующей недели. Я узнала об этом, вернувшись в воскресенье вечером от родителей из Нагой. Самоубийство. Говорят, вскрыла себе вены и долго умирала, вся в крови, в чаще какого-то леса. Причины самоубийства не знал никто. Ничего похожего на предсмертную записку не нашли, и никаких мотивов никому в голову не приходило. Девочка, живущая с ней в комнате, сказала, что накануне ничего необычного в ее поведении не замечала. Юкко не казалась чем-то озабоченной. Все было как и всегда. Она просто молча умерла.

– Однако вы не считаете, что Юко Мацунака по меньшей мере пыталась вам что-то передать? – спросила консультант. – Поэтому и пришла напоследок к вам в комнату отдать бирку. И рассказала о ревности.

– Да, действительно. Она говорила мне о ревности. Только позже я поняла, что она, пожалуй, хотела хоть с кем-нибудь поговорить об этом перед смертью. Но я же тогда не понимала, насколько для нее важен этот разговор.

– Вы рассказывали кому-нибудь, что она приходила к вам в комнату перед смертью?

– Нет.

– Почему?

Мидзуки наклонила голову.

– Я считала, что, расскажи я об этом, все только

запутается. Думала, никто этого не поймет и ничему это уже не поможет.

– Возможно, ревность и привела ее к самоубийству.

– Да. Но скажи я кому об этом, ведь подумают, что я спятила. Ну кого может ревновать такой человек, как Юкко? К тому же все и так были на пределе. Поэтому я решила, что лучше всего помалкивать. Обмолвись я об этом в женском общежитии... это равносильно концу... Все равно что чиркнуть спичкой в газовом баллоне.

– А что стало с той биркой?

– Она по-прежнему у меня. Должна лежать в коробке где-то в стенном шкафу. Вместе с моей.

– А почему бирка так и осталась у вас?

– Вся школа тогда была в шоке, и я как-то забыла ее вернуть. А со временем сделать это стало совсем непросто. Но при этом и выбросить нельзя. К тому же мне иногда казалось, будто Юко Мацунака хотела, чтобы ее бирка всегда оставалась со мной. Не потому ли она перед смертью нарочно пришла и отдала мне ее на хранение? Хотя никак не могу взять в толк, почему именно мне?..

– И впрямь странно. Учítывая, что вас ничего особо не связывало.

– Конечно, если живешь бок о бок в тесном общежитии, так или иначе знаешь друг друга в лицо, здо-

роваешься, а то и парой слов перекинешься. Однако мы учились на разных курсах и ни разу не говорили ни о чем личном... Правда, я была кем-то вроде старосты... Может, поэтому она и пришла ко мне? – сказала Мидзуки. – Ничего другого в голову не приходит.

– А может, она просто интересовалась вами? Была увлечена? Что-то в вас видела?

– Мне это неизвестно, – ответила Мидзуки.

Тэцуко Сакаки, ничего не говоря, некоторое время смотрела на Мидзуки, словно пыталась в чем-то убедиться. Затем сказала:

– Хорошо, однако неужели вы действительно никогда не ревновали? Ни разу в жизни?

Мидзуки немного подумала.

– По-моему, нет. Пожалуй, ни разу.

– Выходит, вам не понять, что же это за чувство.

– Думаю, в общих чертах я все же пойму. В смысле – его природу. Но ощущения мне неизвестны. Насколько ревность сильна, сколько длится, как это все горько и печально – вот в этом смысле.

– Да уж, – сказала консультант, – такое простое слово «ревность» имеет разные степени. Как, по сути, и все человеческие чувства. В легкой форме называется завистью или белой завистью. При незначительной разнице между ними это то, что обычные люди испытывают в повседневной жизни. Например, когда това-

рищ по работе раньше вас пошел на повышение, или кто-то в классе стал любимчиком учителя, или соседям выпал крупный выигрыш в лотерею. Тогда просто завидно. Немного сердисься: разве это справедливо? Ну, с позиции людской психологии естественное чувство. У вас даже такого не было? Никому никогда не завидовали? Мидзуки подумала.

– Похоже, что нет. Конечно, полно людей, живущих лучше меня, но это совсем не значит, что я им как-то завидую. Люди – они ведь все разные.

– Вы имеете в виду, люди все разные, поэтому так просто сравнению не поддаются?

– Пожалуй.

– Да-а, интересно, – протянула консультант, сцепив над столом пальцы в замок. Похоже, интерес ее был неподделен. – Ну, это, во всяком случае, легкая степень ревности, одним словом – завидки. Однако, если дело дойдет до тяжелой степени, таким простым разговором не обойтись. Она, как паразит, поселяется в сердце человека. И в некоторых случаях, как говорила ваша подруга, превращается в некую опухоль, разъедая душу до самой глубины. И даже приводит человека к смерти. Сдержатъ это невозможно, поэтому человеку приходится очень тяжело.

Вернувшись домой, Мидзуки вытащила из стеного шкафа заклеенную скотчем коробку, в которой лежал

конверт с именными бирками. Коробка была набита ее старыми письмами, дневниками, альбомами с фотографиями, табелями успеваемости и прочими памятными вещами еще с начальной школы. Мидзуки давно уже собиралась навести здесь порядок, но, ссылаясь на занятость, так и возила коробку с собой, переезжая с места на место... И теперь конверт с бирками на глаза ей не попался. Вытряхнув содержимое, Мидзуки устроила тщательную проверку, но конверта нигде не было. Она растерялась. Переезжая в этот дом, она мельком заглядывала в коробку и видела его. Помнится, тогда она подумала: «Надо же, столько барахла храню». А потом заклеила коробку, чтобы никто не заглянул, — и до сих пор ее не открывала. Поэтому конверт должен быть здесь. Без всяких сомнений. Куда же он мог задеваться?

Тем не менее с тех пор, как она впервые зашла в кабинет психологической консультации мэрии и стала раз в неделю встречаться с Сакаки, плохая память на собственное имя ее уже особо не волновала. То есть забывала она его примерно также часто, однако симптом, похоже, остановился в развитии. Все же остальное из памяти по-прежнему не выскальзывало. И неловкостей благодаря браслету уже не возникало. Ей даже начало казаться, что забывать собственное имя — естественная составная жизни.

Мужу о своих походах на консультации она не рассказывала. Особо скрывать это в ее планы не входило, но она как представила, что придется выкладывать все до мелочей, и рассказывать тут же расхотелось. Муж наверняка потребует подробных объяснений. К тому же своей забывчивостью и еженедельными консультациями в мэрии она не доставляет мужу никаких хлопот. Плата смехотворная. А о том, что не может найти общежитские бирки, консультанту она пока тоже не говорила: не считала, что это может иметь особый прок для бесед.

Так прошло два месяца. Каждую среду она ходила в районную мэрию на собеседование. Посетителей со временем прибавилось, и отводимое ей время сократилось с часа до положенных тридцати минут. Однако их диалог с консультантом уже развивался по накатанной, поэтому разговоры были кратки и по существу. Конечно, поговорить подольше хотелось – за такую-то плату. Но куда ж еще дальше?

– Сегодня у нас было девятое собеседование, – сказала консультант Мидзуки за пять минут до окончания приема. – Хоть вы и не стали забывать свое имя реже, но и чаще не стали, верно?

– Чаще не стала, – ответила Мидзуки. – Мне кажется, достигнут статус-кво.

– Очень хорошо, – сказала Сакаки, сунула в карман

пиджака ручку, которую до этого держала в руке, и сцепила пальцы в замок поверх стола. Затем, выдержав паузу, произнесла: – Может статься – но это не более чем «может статься»,– что, когда вы придете сюда в следующий раз, в нашей теме наметится какой-то большой прогресс.

– По поводу моей забывчивости?

– Да. Если дело пойдет, удастся конкретно установить ее причину. И возможно, причину эту мне даже удастся вам показать.

– Вы имеете в виде причину... забывчивости?

– Именно.

Мидзуки ничего толком не поняла.

– Выходит, конкретная причина... в общем... явление видимое?

– Да, это видимый предмет. А как же.– Консультант довольно потеряла ладони.– Глядишь, получится как бы поднести его вам прямо на тарелке. Однако подробности, к сожалению, до следующей недели сообщить не могу. К тому же, по правде говоря, я и сама пока что не знаю, что из этого всего выйдет. Только надеюсь, что все получится толково. И если все удастся, тогда и объясню.

Мидзуки кивнула.

– В любом случае я хочу сказать, хотите вы этого или нет, но дело уверенно движется к развязке. Зна-

ете, не зря ведь говорят: жизнь – три шага вперед, а два назад. Не переживайте. Все будет в порядке, поверьте тетушке Сакаки. Поэтому опять через неделю, идет? Только не забудьте оставить заявку в справочном бюро.– И Сакаки подмигнула.

Когда Мидзуки пришла к часу дня через неделю, Тэцуко Сакаки поджидала ее за столом, улыбаясь пуще прежнего.

– Думаю, я нашла причину вашей забывчивости, – гордо сказала она. – И устранила ее.

– В смысле, я больше не буду забывать свое имя? – поинтересовалась Мидзуки.

– Именно. Больше вы не будете забывать свое имя. Ведь причина стала ясна и устранена верным способом.

– Так в чем же она была? – в сомнении спросила Мидзуки.

Тэцуко Сакаки достала что-то из лежавшей сбоку черной сумки «Эмаль» и разложила на столе.

– Думаю, это ваши вещицы?

Мидзуки поднялась с дивана и подошла к столу, на котором лежали теперь две бирки: на одной было написано «Мидзуки Оосава», на другой – «Юко Мацунака». Она побледнела. Опустившись на диван, она молчала, не в силах ничего сказать. Только прикрыла ладонями рот, будто сдерживала поток рвущихся от-

туда слов.

– Неудивительно, что вы поражены, – сказала Тэцуко Сакаки. – Однако уже все в порядке. Успокойтесь. Я сейчас все подробно объясню. Бояться нечего.

– Но почему... -выдавила Мидзуки.

– Почему бирки вашей студенческой поры оказались у меня?

– Да. Я...

– ...ничего не понимаю, верно? Мидзуки кивнула.

– Я вернула их для вас, – сказала Тэцуко Сакаки. – Потому что вы не могли вспомнить свое имя из-за того, что у вас эти бирки украли. Чтобы вернуть вам собственное имя, эти две бирки непременно следовало отобрать.

– Но кто...

– Кто он и откуда – этот похититель двух бирок из вашего дома? И с какой целью? – сказала Тэцуко Сакаки. – Чем объяснять это вам здесь на словах, сдается мне, лучше расспросить об этом самого похитителя.

– Как, похититель здесь? – ошеломленно спросила Мидзуки.

– Конечно. Схватили и отобрали бирки. Разумеется, ловила не я – поймал мой муж со своими подчиненными. Помните, я говорила, что он работает в этой мэрии начальником отдела гражданского строитель-

ства?

Мидзуки кивнула, так и не понимая, что к чему.

– Ну, тогда пойдете. На встречу с преступником. Нужно посмотреть ему в глаза и проучить по первое число.

Мидзуки в сопровождении Тэцуко Сакаки вышла из кабинета, прошла по коридору и вступила в лифт. Они спустились на подземный этаж, затем миновали длинный безлюдный коридор и остановились перед дверью в самом конце. Тэцуко Сакаки постучала. Услышав мужской голос: «Да-да, входите», она открыла дверь. Внутри стояли высокий худощавый мужчина лет пятидесяти и крупный молодой человек раза в два моложе. Оба – в бежевой спецодежде. На нагрудной бирке пожилого значилось «Сакаки», молодого – «Сакурада». Молодой сжимал в руках черную дубинку.

– Мидзуки Андо, верно? – спросил мужчина постарше. – Я – муж Тэцуко Сакаки. Меня зовут Йосиро. Я работаю начальником отдела гражданского строительства в этой мэрии. А это Сакурада, мой подчиненный.

– Очень приятно, – сказала Мидзуки.

– Ну, как он, не буянит? – спросила консультант.

– Да нет, во всем раскаялся и смирился со своей участью, – сказал Йосиро Сакаки. – Сакурада стерег его с самого утра, но тот вел себя прилично.

– Да, спокоен, – с оттенком легкого разочарования

вставил Сакурада.– Думал проучить его, если начнет буяннить, но до этого дело не дошло.

– Сакурада в студенчестве был капитаном команды каратистов Университета Мэйдзи. Перспективный парень,– сказал его начальник.

– Так все же... кто, в конце концов, и для чего выкрал у меня бирки? – спросила Мидзуки.

– Ну что ж, устроим вам очную ставку с преступником,– сказала Тэцуко Сакаки.

В глубине комнаты была еще одна дверь, которую и открыл Сакурада. Щелкнул рубильником, и свет зажегся. Пробежав глазами по комнате, он посмотрел на остальных и кивнул.

– Все в порядке. Заходите, пожалуйста. Первым вошел начальник отдела Сакаки, за ним

Тэцуко, последней – Мидзуки. Комната походила на кладовку. Без мебели. Лишь один маленький стул, на котором сидела обезьяна. Причем крупная. Поменьше взрослого человека, но больше подростка. Шерсть чуточку длинней, чем у обычных японских обезьян, с редкими пепельными прядями. Возраст не определить, но явно немолодая. Передние и задние лапы обезьяны были тщательно привязаны тонкой веревкой к деревянному стулу. Кончик длинного хвоста беспомощно свисал. Когда в комнату вошла Мидзуки, обезьяна, мельком взглянув на нее, опустила глаза.

– Обезьяна? – изумилась Мидзуки.

– Именно, – сказала Сакаки Тэцуко. – Бирки из вашего дома похитил этот макак.

А ведь Юко Мацунака предупреждала, чтобы ее не унесла обезьяна. Выходит, то была не шутка, подумала Мидзуки. Юкко обо всем знала. По спине Мидзуки побежали мурашки.

– Но как это...

– Как я это узнала? – спросила Тэцуко Сакаки. – Я же профессионал. Разве не говорила в самом начале? Что у меня есть и квалификация, и богатый опыт? Нельзя судить о человеке по внешнему виду. Или вы думаете, раз я занимаюсь в мэрии чуть ли не волонтерской деятельностью за мизерную плату, то уступаю в способностях тем, у кого прекрасно оборудованные офисы?

– Конечно, я знала об этом. Просто я удивилась, и вот...

– Ладно, ладно. Шучу. – Тэцуко Сакаки улыбнулась. – Хотя, по правде говоря, консультант я своеобразный. Поэтому не в ладах со всякими организациями и научными кругами. Мне лучше работать себе в удовольствие в таких вот местах. Мой стиль работы, как сами видите, весьма специфичен.

– Но в высшей степени компетентен, – серьезно добавил Йосиро Сакаки.

– Значит, бирки похитил этот макак? – уточнила Мидзуки.

– Да. Тайком проник в вашу квартиру и похитил бирки из коробки в шкафу. Примерно год назад. Именно тогда вы и начали забывать свое имя, не так ли?

– Да. Именно тогда.

– Извините, – раздался вдруг низкий голос. Это впервые открыла рот обезьяна. Сказала она это уверенно – хрипловато, но вполне музыкально.

– Говорящий! – изумленно воскликнула Мидзуки.

– Да, говорящий, – почти не меняя выражения лица, сказал макак. – Я должен извиниться еще вот за что: кроме бирок я прихватил пару бананов, хотя больше ничего брать не собирался. Просто сильно проголодался. Я понимал, что этого делать нельзя, но невольно взял со стола два банана и съел. Они выглядели так аппетитно.

– Ах ты наглец, – сказал Сакурада, постукивая по ладони черной полицейской дубинкой. – Глядишь, он еще чего взял? Может, его немножко того, а?

– Но-но, – остановил его начальник. – Про бананы признался чистосердечно. По виду вроде не злодей. Воздержимся от рукоприкладства до выяснения обстоятельств. Если кто узнает, что в мэрии избивают животных, хлопот не оберешься.

– Зачем ты украл бирки? – спросила Мидзуки у обе-

Зьяны.

– Я – макак-вор... вор имен,– ответил тот.– Это у меня как болезнь. Вижу имя – и не могу пройти мимо. Разумеется, не первое попавшееся. Есть имена, которые меня интересуют особо. В частности – симпатичных мне людей. Перед такими я не могу удержаться, чтобы их не заполучить. Я украдкой проникаю в дом и похищаю их. Понимаю, что так делать нельзя, но не могу удержаться.

– Выходит, ты и бирку Юко Мацунака из нашего общежития хотел похитить?

– Хотел. Я до беспамьятства восхищался Юко Мацунака. И меня как обезьяну никто так не интересовал прежде и не заинтересует впредь. Но сделать Мацунака-сан своей я не мог. Как ни верти, я обезьяна и ей не пара. Поэтому я пытался во что бы то ни стало заполучить ее имя. Хотя бы его. Обладай я ее именем, моему счастью не было бы предела. О чем еще может мечтать обезьяна? Однако она оборвала свою жизнь, и мечте моей не суждено было сбыться.

– А ты, случаем, не причастен к ее самоубийству?

– Нет.– Обезьяна резко замотала головой.– Все не так. Я не имею никакого отношения к ее самоубийству. Ее душу окутывал беспросветный мрак. Думаю, вряд ли кто мог ее спасти.

– А откуда ты спустя столько времени узнал, что

бирка Юкко у меня?

– Немало воды утекло, пока я к ней подобрался. Попытался заполучить бирку сразу после смерти Юко Мацунака. опередить, пока она не потеряется для меня навсегда. Но бирка к тому времени уже куда-то пропала. Куда она делась, не знал никто. Я исчерпал все возможные средства. Искал, не жалея себя, повсюду. Но так и не узнал, куда она делась. В то время мне и в голову не могло прийти, что Юко Мацунака приходила к вам отдать свою бирку. Ведь вас не связывала дружба.

– Это уж точно, – сказала Мидзуки.

– Но однажды меня словно озарило: а не может ли так оказаться, что бирка Юко Мацунака попала в руки Мидзуки Оосава? Впервые задумался я об этом весной прошлого года. Пока я выяснял, что Мидзуки Оосава вышла замуж, сменила имя на Мидзуки Андо и живет в многоквартирном доме в районе Синагава, опять ушло немало времени. Для таких расследований обезьяний облик не самый удобный. Во всяком случае, так я и оказался у вас в квартире.

– А почему взял не только бирку Юкко, а прихватил и мою? Знал бы ты, чего мне это стоило! Сколько пришлось пережить, забывая свое имя...

– Ей-богу, простите, – пристыженно склонила голову обезьяна. – Как вижу интересные имена, так и хо-

чется их умыкнуть. Мне стыдно признаться, но ваша бирка разбередила мою душонку. Я же говорю, это у меня болезнь. Я не в силах сдержать это побуждение. Понимаю, что так нельзя, но рука сама тянется. Прошу прощения за причиненное вам беспокойство.

– Этот макак скрывался в канализации района Синагава, – сказала Тэцуко Сакаки. – Поэтому я обратилась к мужу, и его подчиненные поймали макака. Муж ведь начальник отдела гражданского строительства, и канализация – в его компетенции. Что как нельзя лучше для подобного мероприятия.

– В поимке этой обезьяны изрядно постарался вот он, Сакурада, – сказал начальник отдела.

– Как сотрудники отдела гражданского строительства мы не могли потерпеть, чтобы в канализации района Синагава скрывалось такое сомнительное существо, – самодовольно произнес Сакурада. – Видимо, он устроил себе временное пристанище под землей в районе Таканава, а оттуда уже делал вылазки по канализационным тоннелям.

– В городе нет мест, пригодных для нашего проживания. Деревьев мало, днем мест для укрытия не найти. Стоит выйти на поверхность, как все норуют меня схватить. Дети стреляют из рогаток или пневматических пистолетов, огромные собаки в слюнявчиках гонятся до потери пульса. Только расположишься на

дереве, приезжают телевизионщики и светят прожекторами. Нет ни минуты душевного покоя. Остается только скрываться под землей. Простите меня,— сказала обезьяна.

— Однако как вы узнали, что эта обезьяна прячется в канализации? — спросила Мидзуки у Тэцуко Сакаки.

— Два месяца я слушала ваши рассказы, и постепенно разные вещи стали для меня очевидными. Словно рассеялась дымка,— сказала Тэцуко Сакаки.— Я подумала, что здесь, пожалуй, замешано нечто, привыкшее красть имена. И это нечто все еще скрывается где-то поблизости. А городские подземелья — их рамки, естественно, ограничены. В пределах метро... или канализации. Пожалуй, больше нигде. Вот я и попробовала обратиться к мужу: «Мне кажется, в окрестной канализации поселилось существо, но не человек. Ты не мог бы это проверить?» И попала в яблочко! Нашли эту обезьяну.

Мидзуки растерялась.

— Но все же... как вы догадались обо всем этом с одних моих слов?

— Мне как близкому человеку говорить так нескромно, но у моей жены есть некая способность, отсутствующая у обычных людей,— самодовольно произнес начальник отдела.— Мы женаты уже около двадцати двух лет, и мне часто приходилось видеть такие вот

непостижимые вещи. Именно поэтому я так рьяно добивался открытия в мэрии кабинета психологической консультации. Я был уверен: стоит лишь создать место, где она могла бы проявлять свои способности, и они, эти способности, непременно пригодятся жителям района Синагава. Однако хорошо, что удалось разобраться с похищением имени. Действительно хорошо. У меня от сердца отлегло.

– Что же будет дальше с обезьяной? – спросила Мидзуки.

– Оставляя в живых смысла нет, – равнодушно произнес Сакурада. – Дурные привычки неискоренимы. Что бы он ни говорил, непременно опять где-нибудь станет творить похожее зло. Давайте пустим в расход. Думаю, так будет лучше. Вколем ему в вену концентрированный яд, и макаку сразу конец.

– Но-но, – возразил его начальник. – Какова бы ни была причина, узнают, что убили животное, – непременно откуда-нибудь поступит жалоба, возникнут проблемы. Помнишь, недавно ликвидировали пойманных ворон. Так какая поднялась суматоха. Желательно избегать таких трений.

– Прошу вас, не убивайте меня, – понурил голову, взмолился связанный макак. – Я не совершаю зла. Действительно, я делал непозволительные вещи. Я это очень хорошо осознаю. Я доставляю людям хлоп-

поты. Однако не считите за софистику, здесь есть и положительные стороны.

– И в чем же, позвольте узнать, положительная сторона у кражи людских имен? – строго спросил начальник отдела Сакаки.

– Скажу. Я действительно краду имена людей. Но вместе с тем я отчасти уношу с собой негативные факторы, что этим именам сопутствуют. Возможно, это хвастовство. Однако, если бы мне тогда удалось похитить имя Юко Мацунака, пусть вероятность и крайне невелика, Юко Мацунака, возможно, не лишила бы себя жизни.

– Это еще почему? – спросила Мидзуки.

– Если бы мне тогда удалось похитить ее имя, вместе с ним я, скорее всего, отчасти принял бы на себя тот мрак, что поселился в ее душе. Думаю, вместе с именем я смог бы унести в подземный мир и его тоже, – сказал макак.

– Складно заливаешь, – сказал Сакурада, – но меня не проведешь. Еще бы – жить захочешь, еще не так зашевелишь своими обезьяньими мозгами. Вот и отпирается.

– А может, и нет. Пожалуй, в его словах есть доля истины, – сказала Тэцуко Сакаки после продолжительного раздумья. Она стояла, скрестив на груди руки. Затем, повернувшись к обезьяне, спросила: – Вы-

ходит, похищая имя, вместе со всем хорошим ты перенимаешь и все плохое, что в нем сокрыто?

– Да,– ответил макак,– выбирать не приходится. Окажется внутри зло, мы, обезьяны, принимаем его на себя. Принимаем все целиком. Прошу вас, не убивайте меня. Я никчемная обезьяна с дурными привычками, но нельзя сказать, что они по-своему не идут вам на пользу.

– И что же плохого было в моем имени? – поинтересовалась Мидзуки.

– Мне бы не хотелось говорить об этом при вас,– ответил макак.

– Говори, чего уж,– стояла на своем Мидзуки.– Скажешь все как есть – тогда я тебя прощу. Попрошу за тебя у присутствующих здесь господ, чтобы они тебя ради меня простили.

– Что, правда?

– Вы простите этого макака, если он все честно мне расскажет? – обратилась Мидзуки к начальнику отдела Сакаки.– Похоже, он не злодей. К тому же поплатился за свое. Сделайте ему последнее внушение и отвезите куда-нибудь в горы Такао, а там отпустите на все четыре стороны. Тогда он больше плохих дел и не наделает. Как считаете?

– Если вы не против, я не возражаю,– сказал начальник отдела Сакаки. Затем рявкнул обезьяне: –

Дай слово, что в Токио больше ни ногой?

– Даю, начальник. В Токио я никогда не вернусь. И хлопот вам впредь не доставлю. По канализации слоняться больше не буду. Я ведь уже не молод. Похоже, это хороший шанс изменить жизнь,— пообещал макак с покорностью на морде.

– На всякий случай поставим ему на хвост клеймо – для быстрого распознавания,— предложил Сакурада.— Сдается мне, где-то у нас был клейматор для строительных работ с эмблемой района Синагава.

– Только не это,— со слезами взмолился макак.— Увидят сородичи у меня на хвосте странные знаки, напугаются и не примут в стаю. Я вам все честно расскажу, без утайки, только умоляю – не надо клейма.

– Ладно, с клеймом пока воздержимся,— веско произнес начальник отдела.— А то за эмблему района на хвосте впоследствии можно и ответить.

– Как скажете,— не без сожаления ответил Сакурада.

– Итак, что же плохого было в моем имени? – пристально глядя в красные обезьяньи глазки, спросила Мидзуки.

– Если я скажу, вы можете обидеться.

– Мне все равно. Говори.

Макак озабоченно задумался. Морщины на лбу стали глубже.

– Но может, вам не слушать?

– Давай. Я хочу знать правду.

– Понятно,– вздохнул макак.– Расскажу все как есть... Ваша мать вас не любит. С самого детства и по сей день она вас не любила. Почему – не знаю. Но это так. Старшая сестра тоже. Она никогда вас не любила. И мать отправила вас учиться в Иокогаму, скажем так, чтобы от вас избавиться. Они с вашей сестрой хотели сплавить вас как можно дальше с глаз долой. Ваш отец – человек неплохой, но, к сожалению, слабхарактерный. Поэтому он не сумел вас защитить. Потому-то с самого детства вы не видели ни от кого избытка любви. Вы должны были отчасти об этом догадываться. Но неумышленно делали вид, что не понимаете. Вы отстранились от этой правды, задвинули ее в сумрак вашей души, в самую глубину, закрыли крышку и жили, стараясь не думать о горечи, не видеть неприятности. Жили, сдерживая эмоции. Эта броня приросла к вам, не так ли? Поэтому вы утратили возможность любить кого-либо всерьез, безоговорочно и от всего сердца.

Мидзуки молчала.

– Похоже, сейчас вы живете без проблем, у вас обеспеченная семейная жизнь. Вполне вероятно то есть. Но мужа вы не любите, правда? Если родится ребенок, у вас будет все то же самое.

Мидзуки ничего не ответила. Она присела на корточки и закрыла глаза. Казалось, ее тело распускается. И кожа, и внутренности, и кости – все распадается на части. Лишь дыхание рвется наружу.

– Обезьяна, а несет всякую чушь, – покачал головой Сакурада. – Шеф, я этого больше не потерплю. Позвольте, я дам ему взбучку.

– Подожди! – вскрикнула Мидзуки. – Действительно, все так и есть. Как говорит обезьяна. Я все это понимала сама. Но до сих пор жила, стараясь ничего не замечать. Зажмурил глаза, заткнув уши. А макак-сан – он всего лишь говорит правду. Поэтому простите его. И без лишних слов отпустите в лес.

Тэцуко Сакаки мягко положила руку на плечо Мидзуки.

– Вас это устроит?

– Да, я не против. Мне достаточно, чтобы имя вернулось. Я буду жить со всем, что в нем заключено. Потому что это мое имя и моя жизнь.

Тэцуко Сакаки сказала мужу:

– Тогда на выходных бери машину и поезжай в горы Такао, а там выпусти где-нибудь эту обезьяну. Хорошо?

– Конечно. Мне все равно, – ответил начальник отдела. – Машина у нас как раз новая. Обкатаю заодно.

– Спасибо. Какими словами мне вас благодарить? –

сказал макак.

– А тебя не укачивает? – поинтересовалась у обезьяны Тэцуко Сакаки.

– Нет, не беспокойтесь. Отправлять естественную нужду и плевать на новые сиденья я ни в коем случае не буду. Буду вести себя тихо и смирно. Чтобы не причинять больше хлопот.

На прощанье Мидзуки протянула обезьяне бирку Юко Мацунака.

– Лучше забери ее с собой, – сказала она. – Юкко же тебе нравилась?

– Да, она мне нравилась.

– Бережно храни ее. И больше не кради имен у других людей.

– Да-да, я буду хранить эту бирку как зеницу ока. И с воровством завяжу раз и навсегда, – серьезно посмотрев на Мидзуки, пообещал макак.

– И все же почему Юко Мацунака перед смертью отдала свою бирку именно мне?

– Этого я тоже не знаю, – ответил макак. – Но, во всяком случае, благодаря этому мы смогли с вами встретиться и поговорить. Это, видимо, тоже зигзаг судьбы.

– Пожалуй, – промолвила Мидзуки.

– Я сделал вам больно?

– Да, – ответила Мидзуки, – думаю, сделал. Очень больно.

– Извините. Честно – я не хотел ничего вам говорить.

– Да ладно. Где-то в глубине души я понимала все это сама. Но рано или поздно должна была встретиться лицом к лицу с этой реальностью.

– Вы меня успокоили.

– Прощай,– сказала Мидзуки обезьяне.– Вряд ли мы встретимся опять.

– Вы тоже будьте здоровы. Спасибо, что спасли жизнь такому, как я.

– Чтобы я тебя в Синагаве больше не видел,– сказал Сакурада, постукивая полицейской дубинкой по ладони.– Благодарю начальника отдела. На сей раз прощаю. Но если увижу тебя здесь снова, живым от меня не уйдешь.

Было видно – макак и сам понимал, что это не просто угрозы.

– Ну, что будем делать на следующей неделе? – спросила Тэцуко Сакаки, когда они вернулись в кабинет.– Нужен ли вам еще мой совет? Мидзуки покачала головой:

– Благодаря вам я, похоже, разобралась со всеми проблемами. Большое за все вам спасибо. Я очень признательна.

– То есть сказанное о вас обезьяной обсуждать необходимости нет, так?

– Да, думаю, с этим я как-нибудь справлюсь. Обо всем этом прежде всего я должна подумать сама.

Тэцуко Сакаки кивнула:

– Вы справитесь. Стоит лишь собраться с духом, как непременно появятся силы.

Мидзуки сказала:

– Но если опять станет невмоготу, ничего, если я опять к вам приду?

– Конечно,— ответила Тэцуко Сакаки и широко улыбнулась.— Мы с вами опять кого-нибудь изловим.

Они пожали руки и расстались.

Вернувшись домой, Мидзуки положила отобранную у обезьяны старую бирку «Мидзуки Оосава» и серебряный браслет с гравировкой «Мидзуки Андо (Оосава)» в коричневый канцелярский конверт, заклеила его и положила в коробку в стенном шкафу. Наконец вернулось ее собственное имя. Теперь она опять будет с ним жить. Дела пойдут хорошо или, может, не очень хорошо... неважно. Но, во всяком случае, это ее собственное имя. Другого у нее нет.